

Анатолий
Егоров

12+

УЗВИТОН

Анатолий Александрович Егоров

УЗВИТОН

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54978324

SelfPub; 2020

Аннотация

Фантастический рассказ, который мог произойти с каждым из нас. Но не произошёл.

Глава I

Начало. Да! ДА! И ещё раз ДА! Это мой самый любимый момент времени! Начало всегда прекрасно. Автор полон сил и идей. Новизна всегда вызывает интерес и обострение чувств. Сюжет стремительно развивается, и читатель незаметно доходит до середины. А дальше, дальше и читатель устал, да и автор уже не так ярок и изобретателен в своих изошрённых писательских средствах, но не будем о грустном. В начале всё хорошо, легко и нет никаких проблем. Родается человек, он здоров, родители заботятся о нем. А он лежит, как ни в чем не бывало. Здесь присутствует эффект чистоты, нет ни капризов, ни отрицания. Есть только четкое подчинение родительской воле и полное доверие. А доверие не может нести отрицания, это только положительные эмоции. Ведь как хорошо когда отношения построены на взаимодоверии, в которых нет ни фальши, ни лжи. А что мы имеем дальше, а дальше – родители наши стареют, дети начинают ершиться, спорить, друзья ссорятся. И это естественное течение времени, которое у людей называется жизнью. «А жизнь-это сложная штука!»— так любил говаривать Остап Бендер.

Да, но начало – это что-то необыкновенное, оно и звучит совсем иначе, чем, например – пролог. Что такое пролог? Это какое-то предисловие к роману, которое подразумевает эпилог. И звучит пролог, как не бог весть что. Просто тьфу! Какой-то пролог! Совсем по-другому звучит начало. Начало

– есть в нем какое-то благозвучие, чистота. Это как глоток утреннего кофе, как первая встреча влюблённых, как восход солнца после полярной ночи.

Я, конечно, подразумеваю, что пытливый читатель сразу заметит, что любое начало имеет свой же конец. И он будет прав. Но для того мы и люди чтобы отсрочить свой конец как можно дальше. Если хотите в этом даже есть какой-то свой небольшой смысл жизни. Ведь многие люди, рождаясь, думают, что они будут жить вечно. Известный американский певец Майкл Джексон или если хотите по-русски Миша Яковлев, заявлял, когда ему было тридцать лет, что доживет минимум до ста тридцати. А в итоге еле-еле дотянул до полтинника. И это при его-то уровни жизни, комфорта и питания. А что говорить про самого заурядного обывателя. Здесь конечно много непонятного и неизвестного. Иногда человек и курит, и пьёт всякую гадость, а живет до ста лет. А тут и не куришь и не пьешь, и раз заболел какой-то паскудной болезнью и в два счета скончался. Вот тебе и парадокс. И как жить человек выбирает сам в зависимости от своих наклонностей и способностей. И конечно каждому хочется пожить подольше, ну а там как получится, но надо стараться. «Надо только умно жить!» – восклицал небезызвестный герой кинокартины «Калина красная»: «Надо только умно жить!». А как это умно? – хочется спросить, – Дай ответ? Не дает ответа! И бежит дальше русская тройка по степи удалой.

Такова наша жизнь, что только в конце её пути мы пони-

маем, как надо жить, но уже нет ни времени, ни сил её изменить. И здесь конечно возникает эффект «детского послушания», когда дети слушаются своих родителей и делают, так как они говорят. Это позволяет детям сразу сэкономить кучу времени в своих исканиях и избежать кучи ошибок. Каждый из нас думал: «Ведь послушайся я тогда своих родителей – ничего бы не было!». А так конечно приходится всё испытать на своей «шкуре». Но молодо – зелено. И в своём буйном цвете и силе, оно не хочет, а иногда просто не видит «очевидных вещей». В этом, конечно, есть свой смысл, свой, если хотите путь. Иногда он кажется бессмысленным, иногда глупым, но он может привести к неожиданному финалу. И тут главное не увлекаться простыми способами, добиться успеха в жизни за счет неожиданного выигрыша в лотерею, в карты или тупо убить кого-то за деньги. Потому что этот способ ведет к обогащению владельца лотереи, казино или заказчика убийства. И вступая на этот путь – помните, что кроме разочарования он ничего не принесет. Не верьте пустым обещаниям рекламы лотереи: «У нас выигрывают все!», «Каждый второй билет выигрышный!», «Миллиард рублей в джекпоте!». Наша жизнь сурова и никто просто так вам своих денег не отдаст! О! Каждый владелец лотереи сначала сделает так, что выиграть в его лотерею миллиард или более-менее приличные деньги можно было с таким же успехом, как если пойти в первый попавшийся лес и начать копать, в первом попавшемся месте, и там найти клад. И поверьте, в лесу у вас

шансов гораздо больше, чем в лотерее. Не зря один великий француз назвал лотерею «налогом на дураков». Я уже не говорю о казино, Интернет картах, заказчиках убийств и прочей нечисти, которая так и плодится на благодатной почве людской жадности и корысти. Чудеса в жизни – это одна семимиллиардная на все человечество. И рассчитывать на него глупо и смешно. Надо исходить из реалий. А реальность такова, что надо учиться, желательно хорошо, чтобы найти себе приличную работу и место в жизни. Да – это скучно, долго и нудно, но это есть пока единственный способ человечества выжить в этом мире и научить своих потомков устроиться в этом мире, все остальные способы ведут никуда.

Так о чем это я? Ах! Да! Начало – в начале было слово. А, как известно слова со временем могут менять свое значение и слово чистое, и непорочное становится грубым и неприличным до безобразия, не буду приводить примеры, если захотите сами вспомните, а я просто начну. Так с чего бы начать, ну хотя бы с этого.

Глава II

– Долбоящеры, вы чего надолбили! – кричал начальник цеха Семенов, и слюна его далеко разлеталась, скользила по пыльным Витькиным волосам и оседала где-то на глубине одной из четырех ямок, аккуратно выкопанных посреди огромного помещения ракетного завода.

– Так всё согласно чертежу! – оправдывался Виктор Усачёв и удивленно косился на пыльную бумажку.

– Ну-ка! Дай сюда! – нервно выхватил чертеж Антон Петрович Семенов и удивленно стал рассматривать сие творение.

Я как Витькин напарник подкрался сзади и осторожно глянул еще раз на рисунок, намеченного фундамента для нового станка.

– Гм. Непонятно... – мычал Петрович и нервно курил. – Вроде правильно. Длина. Ширина.

– Да уж! – тихо добавил я. – Длина, ширина и как обычно нарисовали длину меньше ширины, а ширину длиннее длины, типичный случай.

– Блин. Ну, эти чертежники ладно. А вы то?

– А у нас и так завал, когда нам чертежи под микроскопом разглядывать-то? – парировал Витя, но при этом спина его опускалась все ниже и ниже, глаза уходили куда-то вглубь жёлтого песка. – Мастер ещё с утра весь мозг вынес с этим фундаментом. Все подгонял: «Давайте быстрее! После обеда заливать будем!».

– А чё ты на меня всё валишь! – вставил мастер Бураков.

– Да бетонщики всё ходили, – гундил Витька. – «Тут проедем. Здесь зальем. Раствор сохнет, он коварен. Застывшее не разобьешь!»

– Так ладно с этими чертежниками и с вами все понятно! – констатировал Антон Петрович. – Как из положения выходить будем?

– А мне кажется и так хорошо! – подошёл Володя Зинчук.

Он целыми днями слонялся по всему заводу, знал всё и про всех, и на любой вопрос с ходу отвечал не задумываясь. И со стороны можно было подумать, что вы имеете дело со знающим человеком. Но дальше демагогии Вовка не уходил, и речь его была безгранична как космос. – В прошлом году в 25 цеху тоже все перепутали, а когда стали разбираться, поняли, что наоборот даже лучше!

– Ну, Вован! Ну, голова! – одобрительно подбодрил мастер. – Правильно ты Вова говоришь, так и надо оставить! Разницы всё равно никакой нет! Даже наоборот лучше стало!

– Точно-точно!

– Да-да-да!

– Оставляем так!

– Ура! Мы победили! – подытожил Зинчук.

Мы с Витьком взяли лопаты и принялись доделывать, начатое.

– Молодцы вы ребята! – продолжал Зинчук. (Он же Чук в просторечье.) – Я вот тоже когда в армии служил, у меня аналогичный случай был. Дали нам приказ копать яму под бункер, а жара стояла страшная. Я на юге служил в Украине. Копать, конечно, не хочется, всё равно завтра опять закапывать. Ну, я и говорю ребятам: «Давайте я в деревню за экскаватором смотаюсь. А вы идите на реку рыбы наглушите, сами поедим и с экскаваторщиком рассчитаемся». Ребята конечно: «То да сё! Кто тебе в долг копать станет?». Я говорю: «Спокойно! Есть у меня одна идея!». Ну, я в деревню

ребятишки на реку.

Витька хмыкнул и стал копать еще интенсивнее, я старался от него не отставать.

– Прихожу к экскаваторщику, прошу выпить, он от наглости такой просто обалдел, плеснул мне стакан портвейна и спрашивает: «Что случилось-то?».

«Да вот, – говорю, – лейтенант заставляет яму рыть, мы начали, а там кабель медный, сплошняком лежит, не знаю, что и делать».

«Тык давай помогу, только кабель мне отдадите. А?»

«Ну, не знаю».

«Да, давай. Я ковшом мигом всё вытащу!».

«Ну, если быстро тогда – давай!».

В общем, приехали, стал он рыть. А я на дорогу всё гляжу, не идут ли ребята мои. А он роет и все спрашивает: «Да, где кабель? Да, где рыть? Да, шо за черт?». Вырыл ямищу уже больше чем надо, можно уже и дом закладывать.

Ну, думаю: «Дела плохи». И тут он как закричит: «Ура! Наконец- то! Нашёл!».

Я к нему. А он радостный такой и самоваром грязным трясет. А в самоваре том, чего только нет и серебро и золото.

– Слушай «золото», шло бы ты работать! – это уже мастер Николай Николаевич Бураков, спасал нас от рассказов Чука. – А то у ребят уже уши вянут от тебя!

– Так уже обед.

– Какой обед время – 11.

– А подготовка, руки там помыть и т. д.

– Ладно, иди. Толку от тебя всё равно никакого.

– Спасибо! Никол – спас! Хоть кляп ему в рот вставляй! – поблагодарил Виктор мастера.

– Давайте заканчивайте, с обеда бетонщики фундамент залят.

– А мы уже всё! – объявил Витька и вылез из ямы. – Давай Гена, вылезай тож!

– Да, лезу! – отозвался я.

И уже было, полез, но тут моё внимание привлёк небольшой блестящий предмет. Я взял его в руки, и он поразил меня какой-то гладкостью, и лёгкостью. Почистив небольшой цилиндр, я сунул его в карман и вылез на поверхность гладкого, заводского пола.

– Вот и обед! – довольный, объявил я. – А ты боялся!

И, потрепав, Витька по жестким волосам, я показал ему находку. Витек посмотрел на предмет: – Брелок какой-то. И отдал назад.

– Ты в столовую или как?

– В столовую, – ответил я и положил находку обратно в карман.

– Ну, пойдём тогда руки мыть, а то не успеем, опять в очереди стоим.

Мы сдали лопаты завхозу, и пошли мыть руки. Мыть руки – это целый ритуал и для каждой профессии он свой. Доктор знает кучу способов и методов, как помыть руки правиль-

но, бездомный может просто обтереть руки о себя. Слесарь, коими мы являлись, конечно, не бездомный, но, как правило, останавливался на стадии тщательного намыливания и втирании жидкого мыла. Слава цивилизации, придумавшей жидкое мыло, наши отцы и деды долго-долго намыливались хозяйственным кусковым мылом, и это было долго и нудно, но во время этого процесса можно думать и вспоминать, успокаивать себя приятными воспоминаниями. Сколько хороших идей и изобретений родилось в рукомойниках, душевых и туалетных комнатах. Вода, особенно в связке со щёлочью, творит чудеса. А как приятно, после тяжёлой работы, окунуться по локоть в чистую пену и наблюдать, как она поглощает ненавистную грязь. Смываясь, грязная пена, оставляет чистую, белоснежную кожу. И можно до бесконечности намыливать и смывать, намыливать и смывать, любуясь чистотой и белизной кожи. Да чистота – залог здоровья!

И без этого на грязной работе нельзя, иначе грязь и инфекция проникнет в ослабленный человеческий организм, и отравит его своими токсинами. И вот расправившись, таким образом, с грязью и вирусами, мы бодро зашагали в раздевалку.

Такова жизнь, что большую часть её мы проводим в обслуживании себя «дорогих», мы моемся, одеваемся, спим и едим. Великая наука – статистика, всё подсчитала, сколько раз люди вздохнут за свою жизнь, сколько ударов сделает наше сердце. Читать это страшно и как-то неудобно представ-

лять себе, что ещё каких-то миллиард сокращений сердца и конец. А что дальше? Триллионы человеческих душ задумывались над этим вопросом. И каждый представлял, что-то неясное эфемерное, хотелось бы конечно успокоить себя, думая о вечности. Но ... Никто оттуда не возвращался и можно сколько угодно ходить по кладбищам, спрашивать: «Ну, как там? Ну, скажите, что-нибудь?». А в ответ – тишина. Только ветер шумит, да трава шелестит. Так проходит человеческая жизнь, всё чего-то ищем, хочется денег, любви, счастья, а ничтожный вирус, коего и в микроскоп не разглядеть, может скосить любого здоровяка. И уже ничего не надо ни денег, ни славы. Так что надо использовать каждую возможность из нашей крошечной жизни для созидания и любви, а не для злости и мелочной мести. Надо уметь радоваться жизни – это просто, но не каждому это дано. Вот мой друг Витька Усачёв умел радоваться всякой мелочи и радовать этим других. Бывало, найдет какую-нибудь железяку, радуется ей как миллиону, ну и конечно сдаст её в приём металла, получит за неё мелочишку и бегом в магазин. Накупит в магазине разных сладостей или ещё чего покрепче и с ребятами за обедом скушает, и нам радостно и Витек доволен своей предприимчивостью. Но бывало он, и хулиганил, были мы у Юрия Семёнова в гараже. Юрий на рыбалку собирался и собрал большой рюкзак с удочками и другими принадлежностями для зимней ловли. Рюкзак снарядил, а ящик для рыбы соседу одолжил. Ну и пошёл к соседу за ящиком.

А Усачёв тем временем вытряхнул весь рыболовный скарб из рюкзака, спрятал его. А надо сказать Семёнов был бывший пожарный и у него имелся длинный пожарный шланг. Вот его-то Виктор аккуратно скрутил и сунул в рюкзак. Ничего неподозревающий Юра пришёл с ящиком, выгнал нас из гаража, и, закинув за плечи неподъемный рюкзак, бодро зашагал рыбачить на озеро. А до озера было километра три не меньше. И пошёл он радостный, посмеиваясь над встречными неудачниками-рыболовами.

– Здорова! Неудачники! – кричал радостный Юра и шел, улыбаясь дальше. А уж как содрогнулась вся природа от бешеного рёва Семёнова, когда он раскрыл рюкзак и бешено раскручивал пожарный шланг, судорожно пытаясь найти удочки, слышала вся округа нашего небольшого городка. Долго прятался потом Витька от злого Юрка.

Ну, вот мы и в раздевалке. Ещё одно «святое» место для всех работающих руками и ногами тружеников. Что для кабинетного работника просто вешалка или шкаф для верхней одежды, то для рабочего человека это окно из приятного домашнего мира в мир шума, дыма, горелой стружки и прочих неприятных вещей. Приходит свежий молодой человек в приятной одежде и вдруг надевает рабочий комбинезон и всё, перед нами старик тщетно пытающийся заработать свою копейку. И каждый работяга думает: «Может бросить всё и не надевать этот костюм для телепортации в жуткий мир». Да человек таков, что слесарь завидует учёному, учёный –

стоматологу, стоматолог – трактористу и т.д. Человеку хочется чего-то нового, свежего, какого-то экстрима или простоты.

Топают заснеженным ранним утром дантист на работу и видит, как трактор методично разгребает снег. « Вот, – думает – хорошо ему чисти себе, да чисти! Разгребай белёсый, сверкающий снежок, собирай громадные кучи кварцевого цвета. Эх, красота!»

«Блин! Достал уже этот снег, валит и валит! – ругался бедный бульдозерист, с утра чистящий снег. – Скорее весна уже! А лучше сидеть в кабинете, да чаёк попивать!»

Не хватает человеку какой-то новизны или трудностей когда всё хорошо и просто, и придумывает он себе – искусственные проблемы. Машины, компьютеры сам же потом во всём этом роется и проклиная инженеров, изобретателей, конструкторов и прочих лодырей, которые только и умеют, что создавать, а нам потом ремонтируй. А не за горами создание искусственного интеллекта, вот работы-то прибавиться. Представляете, роботы начнут советовать роботам, а потом и людям. Роботы будут лечить людей, люди чинить роботов, а не дай бог сбой какой-то, тут такое начнется, кошмар. Нет, раньше люди жили проще, и на всё времени хватало, потому, что не было: ни машин, ни компьютеров, ни Интернета. Да сколько бы мы потеряли талантливых людей, появись он чуть раньше, а, сколько ещё потеряем и уже потеряли. Заходит человек на минутку в Интернет, и пропал

на целый день, и нет у него времени на сочинение и изобретение, а только общайся и играй. Но с другой стороны меньше стало и всяких преступных элементов, ведь свою отрицательную энергию человек тратит на борьбу с «интернет-монстрами», воюет по сети, с такими же «сетевыми маньяками». И глядишь, мир станет чище и лучше, может даже интернет спасет человечество, а ни какая не красота. Ну ладно, это все лирика, а мы с Витькой даже не успели помечтать в раздевалке, потому как, мигом переодевшись, двинулись в столовую, обед короткий и каждый хочет, разом насытившись, или пройтись по магазинам, сыграть в карты, домино, шашки, шахматы, либо элементарно выспаться. В общем надо быть первым в очереди и стоять у двери, стуча зубами. Можно говорить о чём угодно, лишь бы провести время. Ну, тут конечно, кто во что горазд. Кто-то обсуждает обувь, кто-то погоду, посекундно изучая свои часы.

Вот и вожделенная столовая, оформленная в лучших традициях общепитовского жанра. Здесь на стенах есть и великие русские богатыри, и древние пирамиды с фараонами, и Баба-яга с Алёнушкой, короче мы попали в сказку. А в сказке сначала добра молодца потчиют, а уж потом все остальные подвиги.

– Нам харчо и пюре с «нежностью»! – это я уже розовощёкой поварихе Марии на раздаче.

– Только «нежности» как можно больше!

– Получай свою «нежность», остряк! – парировала пыш-

нотелая красotka и плюхнула котлету «нежность» в тарелку.

– Вау! Я тоже такую хочу! – заискивал Витька. – А мне ещё нежнее можно!

– Для тебя Витюшечка всё, что хочешь! – улыбалась Ма-ша, накладывая обед.

– Вечером зайду! – комично пробурчал Виктор, изображая Сададьского из глупой комедии.

– Я те зайду! – вторил мастер и по совместительству отец Маши, отвешивая отцовского «леща» Витьку.

– Я те зайду! – ещё добавил Николай и для верности по-казал кулак.

– Ладно, уж и пошутить нельзя!

– Можно, но не в моём присутствии.

– Может это твой будущий тесть, а ты его бьёшь в моём присутствии! – заступилась Мария.

– Ты ещё поговори у меня! Вот нахалка! – ругался ма-стер. – Может, ещё им и по котлете в суп положишь!

– А вот и положу! Будущего мужа надо откармливать!

– Ну, я с тобой дома поговорю Мария!

Мы не стали вмешиваться в семейные разборки, а тихо ретировались и заняли любимые места у огромного окна в большой и светлый мир. Правда сегодня погода была пас-мурная, и моросил лёгкий английский дождь. Но это только умиляло картинку из теплой и сухой столовой. Да, что может быть лучше плохой погоды? Особенно когда ты сидишь дома и не надо никуда идти. А ты глазеешь на съёжившихся, мок-

рых прохожих, глядишь на мчащиеся машины, которые как корабли разбрызгивают огромные лужи. И всё это движется, шевелится несмотря ни на какую погоду. Хоть дождь, хоть снег, а всё равно кому-то надо куда-то идти, а кому-то ехать. Двигается этот «перпетум мобиле» и остановить его невозможно. И только капельки дождя, текут по стеклу, оплакивая капризы природы за нас, потому как нам с вами делать этого некогда, нам надо бежать, лететь и плыть. Куда? Всё равно, лишь бы туда, где нет, и не было нас. А вот так остановишься, посмотришь на всю эту бессмысленную гонку, задумаешься над жизнью своей и побежишь дальше, но уже осознанно и целеустремленно. Значит так надо, все бегут, и я побегу, а вместе бежать, конечно, веселее.

– Может, в город сгоняем? А? Геннадий Антонов? – раздался радостный Витькин голос. – Геннадий?

– Да ну тебя, с твоим «железным» бизнесом, – задумчиво произнес я. – Лучше в карты играть, чем металлолом собирать. Оставь ты его, пусть другие порадуются, всех денег не заработаешь.

– Так хоть бы половину заработать! Без денег плохо сидеть!

– Да чего хорошего, но и по свалкам лазить негоже.

– Ладно, в карты, так в карты. Надоели эти картёжники конечно, но посмеяться можно.

– Давай доедай, и пойдём, а то эти игроманы опять будут стонать, что мы опоздали, и смены нет, а одних и тех же им,

видите ли, рвать неинтересно, такие неженки, просто беда.

Обратно мы шли длинными переходами между корпусами, встречая знакомых и не очень знакомых людей. Один в маске Фредди Крюгера и рычанием пытался в очередной раз нас напугать, выглядывая из-за приоткрытой двери, но Витька привычным движением закрыл дверь и сказал: «Сам дурак!» И мы вошли в наш цех, живые и невредимые. В корпусе стояла глубокомысленная обеденная тишина, и всё говорило о релаксации и покое, лишь в комнате отдыха были слышны приглушённые голоса, туда то мы и направились.

Игра была в самом разгаре, когда мы появились в дверях. Забавлялись как обычно в «козла», это игра в карты, в которую бьются либо парами или трое на трое в зависимости от количества народа, нужно набрать двенадцать очков в процессе игры, кто первый набирает тот и выигрывает. Козырь обычно буби и семерка крестей, она же шаха ловит крестовую даму, при этом команде ловца присуждается четыре очка в «замесе». А так считается количество очков во взятках команд при заходах, у кого больше шестидесяти тот победил и получает два очка. Если противник набрал меньше тридцати, то четыре, ну а если у противника ноль и очков до этого он не набрал, то игра кончается и проигравший получает «отару» – двенадцать «козлов». Ещё хуже если у победителя уже имелись набранные очки, то команда проигравших помимо «отары», получает от двух до десяти «козлов» сверху, в зависимости от наличия очков у победителя. В общем

простая игра, после раздачи карт, начинается первый ход валет крестей, он либо ходит по масти, либо козыряет. Следующий ходит, кто берет взятку и так далее до полной победы. Игра конечно глупая, многое зависит от случайности и конечно, как в любой командной игре у каждого свой метод и принцип и когда они противоречат, друг другу, то жди беды, скандал неизбежен. А поскандалить люди любят, всё-таки какое ни на есть развлечение. Не даром незабвенный М.Зощенко ещё в 1926 году упомянул «козла» в юмористическом рассказе «Чудный отдых». Да если бы не «козёл», чем заняться тогда, отдыхая от трудов праведных. Разве домино и шашки, но это не тот размах. Карты – роман в цифрах, причём настолько гениальный, что даже неграмотный сможет его прочесть. И концовка «романа» каждый раз иная, потому как комбинаций в картах неистребимое множество. Плюс конечно интерактивность, игроки непосредственно участвуют в написании «романа». Потому-то карты популярны во все времена.

– Где вас черти носят? – пошли в атаку картёжники. – Мы уже третий кон играем, ждите теперь.

– Да мы обедали вообще-то! – отмазывался Витька. – Это все Генка давай в город сходим, да ну эти карты.

– Вот тебе и на! – ошалело парировал я. – Тебе лишь бы кого подставить!

– Да, а ещё друг называется! – вторил Анатолий Иванович Митков, слесарь седьмого разряда, пониженный до шестого. – Ты Ген построже с ним.

– Так, кто дамой крестовой ударил! – восторженно воскликнул Юрка Глазов.

– Ну, я! – пробасил Димка Барабанов, великий транспортировщик. – А, что?

– Попался! – взвизгнул Юра и бросил карты на стол.

Барабанов рассеяно разглядывал Юркины и свои карты и сделал неожиданный вывод:

– Так у тебя шахи-то нет, она у меня!

– А, извиняюсь! – быстро пролепетал Глазов и также мгновенно собрал свои карты, будто и не было ничего. Но народ уже подсёк это дело и понеслось.

– Ну, Юрок! Ну, голова! – начал Зинчук свою песню.

– А я главное смотрю шаха-то у меня! – вторил Диман.

Ну и ха-ха-ха и хи-хи-хи!

– А я сижу, главное с дуплетом и не пойму, как попался-то! Хи-хи! Ха!

– Да, ладно у всех бывает, – слабо отбивался от развеселившейся толпы Юрка. – Я пошел, играем дальше.

– Ну, Юра!

– Ох уж этот Юра!

– Да, Юра у нас голова!

– Ещё какая! Не голова, а Дом Советов!

– Ему бы в цирке выступать!

– Ловцом пиявок! Ха-ха-ха!

Здесь надо добавить, что Юра Глазов был занятный парень. Ну, как парень, ему лет за пятьдесят, во времена Турге-

нева сказали бы, что это старик. Но «старик» этот хоть внешне и смахивал на старика, по повадкам больше напоминал мальчика на побегушках, что-то среднее между домовёнком Кузькой и Левшой. Потому как был он человек несемейный, конечно была у него в молодости любовь, но она вышла за другого, а Юрка другую так и не смог найти. Вот такой он однолюб. Жил он вместе со старшим братом, таким же одиночкой-однолюбом, только до «огненной воды» за городом, в небольшом посёлке. А в городе столько соблазнов так ярко горят огни ночных казино, что Глазов мимо пройти ну никак не может. Играл он как лев, если уж начал, то пока миллион не выиграет не остановится. Правда, пока миллиона он так и выиграл, зато все свои накопления проиграл. Взял пару кредитов в банке и тоже проиграл, всё до копеечки. Так, что теперь в зарплату половину отдаёт банкам. Ну, а на остальные что? Правильно! Играет в казино по-крупному! То есть сразу всё проигрывает и ест «солому» до следующей зарплате. Да, но зато в получку он – «король»! Кофе пьёт бесплатно в казино, такого клиента сами понимаете, все уважают и всячески подбадривают. Мол, сегодня не выиграл, значит завтра, обязательно повезёт!

Парадокс русского человека – у Юрки и копейки в долг не выпросишь, а в казино случись выиграть ему десяток тыщёнок, так кассирше он обязательно на чай тыщу даст, как говорится на удачу. Да, непонятна ты земля русская, близких людей не замечаем, а для дальних на всё готовы! Такой

у нас российский менталитет. Эх, да и бог с ним лишь бы не было войны! А так мы всё переживём – и «перестройку», и капитализм, и коммунизм – нам всё едино не жили хорошо, ну и нечего привыкать. Ведь мы, почему Гитлера победили? А потому, что Советские люди и так жили на военном положении. В городе как в казармах по десять человек в комнате. А в деревнях – в избах, да в землянках, и все на «подножном корме». Так, что войной наш народ не испугаешь, мы на врага, гурьбой навалимся. Правда, можем своим тоже насолить, но это уже издержки национального статуса, если хотите русский колорит.

Так играем дальше! Сейчас Юра заходит.

– А давай козырнем! – говорит Глазов и заходит в семёрку крестей. Остальные молча бросают козырные карты, свои конечно побольше накидывают, да посильней «прижимают» если что.

– А давай ещё раз! – продолжает козырять Юра, на этот раз в даму крестей.

– Давай-давай! – иронизирует Чук. – Юр, а у тебя козырей-то хватит?

– Хвати, будь спок Вова!

– И ещё по козырьку! – и Глазов кинул даму пик.

– Ну, Юра! Ну, голова!

– Во напёрло-то!

– А у тебя все козыри? Козырь-то не ваш!

– Да, чё с такой картой-то не играть! Тут и дурак сыграет!

– А давай ещё по козырю!

– Да у него козырей, как у дурака махорки!

– Ну, Юра! Ну, молоток!

– Блин! Один не козырь! – расстроено констатировал Юрий и с сожалением бросил карты.

А по правилам, козырять можно той команде, чей козырь, а игрок другой команды может козырять, если у него все козыри. А если у него хотя бы один не козырь, а он козыряет, то вся команда проигрывает и получает четыре балла.

Ну, тут конечно опять смех и разные там подколы начались.

– Вот это Юра! Вот это голова! – хохотал Чук. – Накозырял на четыре балла.

– Юр, когда ты в карты смотреть будешь? – Досадовал мастер, игравший с Глазовым в одной команде. – Пора тебя отчислять за неуспеваемость.

– Во-во гоните его!

– Козырял бы до конца, всё равно никто не заметил.

– Не, Юра честный игрок.

– Всё по правилам сыграл, но не заметил масть. Бывает!

– Да у него постоянно так бывает!

– Уйду я из вашей команды, – подытожил сварщик Виталик Иванов.

– Как меня и мастера бросишь? – чуть не плача вопрошал Юра. – Я думал ты кореш, а ты вот как!

– Кореш, а нафига ты карту порешь?!

– Ладно, простите меня команда, больше не буду!

– Э-эх, раздавай, козыряла!

Дальше Юра исправился, и его команда благополучно высадила Чука, Барабанова и Иваныча. Сели мы с Витькой и наш коллега Андрей Пузырь, правда фамилия у него была Пузыр, но об этом многие не знали, а если и знали, то забывали. А он частенько поднимал шум по этому поводу. Бывало, заполняешь с ним один на двоих «наряд», ну и пишешь второй рабочий-Пузырь. А он увидит и обижается: «Я – Пузыр, а не Пузырь!». «Да, ладно Андрюха, какая разница». – Успокаиваешь его. А он ещё больше ерепениться: «Я тогда тебя в следующий раз запишу – Поляко, а не Поляков!». «Пиши, чё хочешь, Ленка разберётся». В общем Андрюха сдал, нам записали «отару» и мы вылезли.

– Следующий! – закричал Виталик.

– Игрочишки! – радовался быстрой смене Чук. – Ну, где моя команда? Эй, команда!!

– Чё, уже! Ай, молодца! – зычно басил Барабанов.

– Кому проиграли?! Юре! – досадовал Митьков. – Геннадий я от вас этого не ожидал.

– Сами не хотели. Так получилось.

– Сейчас я раздам! – отрезал Зинчук и начал «месить» карты. – Это вам не с бабкой в кегли играть – Это Юра. Сейчас он у нас колик-то получит!

– Давай, подснямись Юра на отару! – ёрничал Чук, подсовывая колоду Глазову.

– Что ты Володя.– Снимал «шляпу» с колоды Юрка.– Бог с тобой!

– Сейчас мы проверим вас на вшивость.

– Так-так, «отары» не будет, играй спокойно Юра! – успокаивал Чук, разглядывая карты.

– Конечно, не будет, «отара» – это вообще редкость.

– Да, снаряд дважды в одну и ту же воронку не попадает!

– Это точно!

– А вы ребята стойте, так весь обед и пройдёт!

– Да, ладно постоим, заодно и играть поучимся!

– Это правильно! Только вы идите лучше к Юре учитесь! – злился Владимир Зинчук. – А то карта совсем не идёт! А Юра профессионал он вас плохому не научит!

– Карта – не лошадь, к утру повезёт! А может, мы у тебя хотим поучиться!

– Ну, как хотите, было бы предложено!

– Ах, этот Юра-юра! – напевал Чук.

– Давай ходи певунья! – строжил Зинчука мастер.

– Ах, пардонте-пардонте!

– Ля-мо, ля-мо перси туа!

– Да-да, говори-говори, приятно слушать!

– Вот тебе Юра четыре бала!

– За, что Вова? – удивлялся Глазов.

– А, чтоб в следующий раз не козырял, как попало! Ну, а пока у вас только «двадцать девок»!

– Согласен, – вяло сказал Юрка, пересчитав карты. – Два-

дцать девять.

– Что правильно? А будешь со мной спорить – отдеру тебя как мальчишку!

– Уж больно ты грозен, как я погляжу!

– Да, я такой! Ты смотри у меня!

– Да, уж у Вовы не забалуешь! – поддакивал Иваныч.

– Так я и говорю, – не унимался Чук, – что теперь он у меня под колпаком, шаг – вправо, шаг – влево расстрел на месте.

– Ты больно много говоришь, – пытался сдержать Чука Никола, – голова от тебя трещит, играй спокойно. А то после такого «обеда» ещё больше устанешь.

– Не хочешь – не играй! Иди вон – спи! А рот мне не за-тыкай, где ещё поговорить как не за картами.

– Ну, да ты живёшь-то один. Жениться тебе надо Вова! – стал соблазнять мастер Никол-Николыч. – Вот и поговорить будет с кем.

– Ты никак мне свою Машку сватаешь?

– Да ты что, свят-свят! Машка ребёнок, дитя, а ты старик!

– Ничего себе дитя, больше меня в два раза! Мне её в жизни не прокормить, ты же мою зарплату знаешь!

– Знаю, потому и держись от неё подальше.

– Опять четыре балла! – расстроено прервал Юрий. – Ровно тридцать, обидно.

– А ты как хотел? – радовался Чук. – Один ты, что ли профессионал. Мы и сами с усами.

– Ладно, сейчас мы вам отомстим, – пригрозил Юра.

– Отомсти-ка, попробуй, – подзадоривал Вова. – Мстун.

– Сейчас-сейчас получишь, по самые не балуйся!

– Ты думаешь, масть пробил и король, не-е-е-т Юрочка, не всё так просто! Ты для начала партию набери, а затем и грози.

– Ну что, сколько насчитал?

– Шестьдесят одно, очком по носу!

– Да..., а я шестьдесят насчитал. Яйца Юра!

– Ну-ка, дай сюда я пересчитаю! – Виталик выхватил из рук Глазова карты. – Счетовод-любитель! Ну и где здесь шестьдесят одно, вот пятьдесят и ещё десятка, шестьдесят ровно. Ну, Юра! Ну, голова.

– Не хочет Юра яйца получать! – веселился «Чукотский». – А получишь, ой получишь! Сколько верёвочки не виться, а конец всё равно будет!

– Ты не каркай Вова, всё нормально. Настоящие игроки при счёте десять, только играть начинают, а у нас пока восемь.

– Вам ещё парочку записать? Сейчас запишем, не переживай.

– Смотри, как бы вам не списали. А потом ещё «отару» не засадили.

– Помечтай, помечтай – мечтать не вредно!

– Так, давайте быстрее «отару» засаживайте, да мы сядем! – торопил игрочишек Витька.

– А ты за кого, за Вову болеешь, что ли? – обижался Юра.

– Я за победителя, кто быстрее другого высадит, за того и болею!

– Щас тебе Вова засадит, и вылетишь из-за стола. Ну, точно, вылазь Юра!

– Ты погоди!

– Чего погоди, вылазь тебе говорят. Владимир, кладите карты и получайте «отару», восемь сверху и яйца, всё в одном флаконе, отодрыши!

Зинчук аккуратно разложил на столе карты по старшинству: валет крестей, четыре дамы и «шаха».

– Вот она мечта шахматиста! – сиял Чук. – Ну, как Юрий? Хорошо? Ой, хорошо! Получил и свободен!

– Ничего себе! – не верил своим глазам Юра. – Вот это да!

– Да уж! – резюмировал мастер.

– Против такой карты не попрешь! – постскриптничал Виталик. – Это вам не хухры-мухры!

– Ну, чего? Раздавай Генаха! – торопил Витька. – Время-то идет.

– Вы работать-то собираетесь? – из отворившейся двери гремел начцеха Семёнов.

– А! Да-да! – залепетал Витька, и все остальные дружно двинулись на выход.

– А мы сидим тут! Заигрались, – оправдывался Николай Николаич. – А чё обед уже кончился?

– Время – пять минут! – грозил, улыбаясь, Петрович. –

Останетесь все без премии! Вить? Ген? Вы идите сейчас наверх в ПДБ помогите стулья, столы перетащить в соседний кабинет.

– А у них своих мужиков что ли нет? – зароптал мастер.

– Я им тоже так сказал, а они мне: « Мы не мужики – мы конструктора! ».

– Ладно, сейчас придём, в туалет только заскочим! – согласился я. – В туалет-то хоть можно?

– Да, конечно! Об чём речь! – и Антон Петрович побежал по своим начальничьим делам.

Пришлось нам после обеда перетаскать кучу всякого хлама из одного кабинета в другой.

Хорошо ещё нам дали в помощники Диму Барабанова, ростом он два метра и шкаф мог поднять с одной стороны в одиночку. В общем, Дима брал шкаф, а с другой стороны мы с Витей болтались. И конечно после такого променада пришли мы в цех уставшие. А тут ещё мастер нам работы прищил. И началось: чертежи, детали, размеры. Работа бывает разная, иногда простая, где допуска размеров плюс-минус пять десятых миллиметров и металл простое железо, иногда сложная, где размеры до одной десятой, вдобавок материал нержавейка или алюминий, да ещё пятый класс чистоты. А нам молодым везло на всякие сложности и проблемности. Вот и сейчас мастер дал работу из-под ЧПУ, вроде ничего сложного, блок из нержавейки. Надо только заусенцы снять и резьбу нарезать М3 и М4. Предварительно конечно стали

рассверливать резьбовые отверстия тройку на два и шесть десятых миллиметров, четверку на три и четыре. На первый взгляд работа для слесаря привычная, но... После первой же детали обозначилась проблема. Сверла, конечно, трещали, но это не главное.

– Что такое не пойму? – досадовал Витя, который сверлил рядом со мной, за соседним станком. – Сверло не идёт дальше и всё.

Стали смотреть, отверстие «глухое» и довольно глубокое не видно ничего. Отнесли в О-Т-э К-а, и там под большой лупой со светом разглядели в конце отверстия обломок сверла. Конечно, тут сразу и чепэушнику досталось, который свёрл наломал и заточнику, что свёрла плохо наточил, ну и нам конечно, за то, что долго ковырялись. В общем, свёрла выжгли из деталей и отдали опять. Закрутилась, завертелась адская машина работы, не зря же кто-то вывел теорию, что мы на земле находимся в аду, а уж потом, пойдя очищение земной жизнью, попадаем в рай. Тяжело жить на Земле, зато потом будет легче, наверное. Самое главное в земной жизни – это использовать до конца свой шанс успешно пройти очищение. Конечно, было бы просто: родился человек сразу его бултых с обрыва, как делали древние спартанцы со слабыми детьми, и ты уже в раю. А нет, так не пойдёт, не хочешь человеком на земле, будешь дубом, и стоять тебе триста лет по стойке смирно, пока не пройдёшь миссию очищения. Много сейчас говорят про эвтаназию: «Мол, чего мучать больных,

да старых?». Может, им осталось пару недель помучиться, и они в раю, а тут какой-нибудь «помощник» вводит лошадиную дозу снотворного, и прощай рай – ещё тысячу лет баобабом и жди когда помрешь. Я уже не говорю про самоубийц, они конечно лихие ребята, да только вместо желаемого покоя, они оказываются, ещё в большей западне, вроде мерзкой жабы, которая живёт на болоте и питается одними комарами. Так что, не спешите покидать бrenную землю, есть смысл задержаться на ней подольше, поживешь подольше – узнаешь побольше! А знания ещё никому не мешали.

Наступали долгожданные 16:30 и весь наш завод дружно двигался к проходной. Тёплый весенний ветерок ласково шелестел зелёной травкой, и вся природа располагала к отдыху и созерцанию красоты. На улице было тепло, несмотря на недавно прошедший дождь. Тепло было и у меня в кармане. «Странно – думал я, машинально ощупывая себя на ходу – чтобы это могло быть такое? Ах, да! Это странный, блестящий цилиндр, выкопанный мной до обеда». Сейчас он был почему-то тёплый, словно нагрелся от моего тела. Я переложил его в свою сумку и помахал Колянну Тимофееву.

– Я с тобой сегодня, надеюсь, ты не забыл?

– Да, нет, конечно, – ответил Николай и зажмурил один голубой глаз от солнца. – Всё в силе, сейчас прокачу тебя на своей «ласточке».

– Заодно в гараж заедем, глянем её на яме.

– Давай потом, денег-то у тебя всё равно нет. А мне ещё

за подругой надо заехать. Лады?

– Ну, лады. Деньги я найду, а если ты ещё сбросишь тыщ пять, то на этой неделе точно будут.

– Пять! Да в уме ли вы газели? Такая «девочка» за двадцать тысяч! Да ещё пять скинуть, может тебе её так отдать?

– А, что я не против! Ловлю тебя на слове!

– Да, пошёл ты! Антонов.

– Ладно, Колян не сердись! Сам понимаешь денег сейчас в обрез, зарплату задерживают и всё такое.

– Да, наживаются сволочи на наших денежках! Проценти-ки капают, а там и на новую машину, и на квартиру хватит. Это не мы – живи на одну зарплату, тут масштаб другой.

– Ты чего возмущаешься тёзка! – похлопал его по плечу и поздоровался мой мастер – Здорова!

– А! Привет! Никола! – ответил Тимофеев. – Да, Генка тут про зарплату начал.

– Не переживай, дадут на этой неделе!

– Ну и отлично, вот тебе Генка и новая машина!

– Ты чё, продаёшь свой драндулет?

– Сам ты драндулет, супертачка – мечта любого авто-билиста!

– Она же ржавая вся и в «крыле» я дырку видел.

– Ну, есть кой-какие недочёты, что ты хочешь машине пятнадцать лет! Ты себя помнишь пятнадцать лет назад? Вот! А щас, каким стал? То-то же!

– Да причём тут я, мы про машину, а ты меня приплёл. Я

может, и не прожил бы эти пятнадцать лет или, к примеру, завтра помру.

– Да вот я и говорю: человек в любой момент может помереть, а машина останется, подчистил, подварил её, подкрасил и катайся сколько душе угодно!

– Ладно! Давайте! Счастливо!– резюмировал мастер и стал протискиваться сквозь толпу, поближе к турникету.

Мы с Колей послушно встали в хвост сего построения и стали молча наблюдать, как разношёрстная толпа, состоящая из непонятно откуда-то появившихся служащих и бодрых рабочих масс, стала постепенно просачиваться через проходную и, равномерно отсчитываемая турникетом, стала плавно вытекать на улицу. Мы спокойно отдались этому течению, и живая река послушно несла нас наружу. А на улице нас встретила настоящая весна, это совсем другая, не то, что на территории завода весна, это настоящая весна, без каких-то ограничений, било в глаза буйство зелёной краски, бешено надрывались птицы, и сам воздух был свежее и чище чем за проходной. И в таком благодушном настроении мы отыскали на парковке «пятёрочку» Тимофеева.

– Вот она моя «девочка»! – сказал Колян и погладил машину по зелёно-синему капоту, со следами начавшейся коррозии металла. – Как она тебе?

– Да, так себе машинка! – туманно бросил я, садясь на корточки, осматривая ржавые, и кой-где прогнившие до дыр пороги. – Пороги менять надо.

– Пороги поменять неплохо и крылья передние можно подделать, а можно и так ездить, на скорость не влияет, даже наоборот машина легче разгоняется! – веселился, подмигивая мне, Колька.

Я поднялся и стал обходить машину кругом, оценивая предстоящие ремонтные работы.

– Задний бампер надо выпрямлять, брызговики повесить не мешало бы!

– Это можно, конечно! – поддакивал, успокаивающим голосом, Тимофеев.

– Резина зимняя стоит, даже шипованая была когда!

– Резина «Якохама», японская и шипы есть кое-где, а протектор смотри какой глубокий, ещё ездить и ездить! Кстати у меня и летняя на дисках есть, отдам бонусом, и ещё кой-какие запчасти и полезные мелочи. Так, что ты не переживай, ты ещё и в плюсе будешь только за счёт запчастей.

– Ручки дверные под замену, лучше вместе с дверями!

– Хозяин-барин, купишь и поменяешь, они копейки новые стоят, а можно и бэушные найти.

– Так-то оно так, да копейки-то китайские стоят, а они сам знаешь до первой зимы. Оригинальные ручки со старой машины, ещё поискать придётся. Ладно, ты машину-то открой, а заодно и капот!

– Да не вопрос! – сказал Колька и щёлкнул сигнализацией. – Во! А ещё и центральный замок на две двери!

Я с трудом открыл водительскую дверь за сломанную руч-

ку, и на меня пахло табаком, как из свежее открытой пачки сигарет.

– А накурил-то!

– Да, я аккуратно, а салон смотри, какой чистый и не прожжён нигде!

Расположившись на сиденье, я откинул голову назад и зазмурился, ухватившись за баранку, представив себя за рулём.

– Сиденье удобное и руль удобный! – вслух произнёс я.

– А я тебе, что говорил! – лебезил Колян. – Машину для себя делал! И руль от «субару» поставил, смотри какой плотный, удобный, даже оплётки не надо, и сиденья «семёрышные», вещь, лучше иномарошных, на рычаг нажал-откинулся, потом встал, нажал и сиденье на месте – красота. Всё быстро и удобно!

– И музыка, я смотрю, у тебя есть!

– Что ты, конечно – «пионер», четыре колонки!

– Пробег 80000 тысяч, реальный?

– За это ручаться не могу, машину не снова брал, но движок супер, заводится с пол оборота в любую погоду, ни разу не подводил! У стартера иногда клемма слетает, но это мелочь, сам подождёшь на досуге. Ты попробуй, заведи!

Вытащив «подсос», выжав сцепление, и поставив ручку коробки передач, в нейтральное положение я, как учили в автошколе, повернул ключ направо. Двигатель мгновенно «схватил» и начал набирать обороты.

– Ну, что я говорил, движок зверь! Сам бы ездил, да деньги надо!

– Да, движок классно заводится, ничего не скажешь! Моментом схватывает!

– Это, что он ещё и приёмистый, тащит, как зверь не всякая иномарка на светофоре догонит!

– Ты же знаешь, я только учусь и гонщиком становиться не собираюсь. Мне бы живым доехать из точки А в точку Б, вот и всё. Грибы, рыбалка и огород – вот мои главные «чемпионские» маршруты.

– Для этого «пятёрочка» идеальный вариант, довезёт куда угодно.

– Угу, – сказал я и дёрнул за рычаг открытия капота, он охотно поддался, но капот остался в том же положении. – А капот у тебя Колян, что не открывается?

– Открывался вообще-то, – озабочено сказал Николай и подёргал за ручку капота. – Наверное, тросик порвался, но это не беда, потом откроем, когда в гараж поедем, здесь нам его не одолеть. Да ты не переживай, там всё отлично ничего не течёт, двигатель сухой. Тормоза – тормозят.

– Ладно, поверим пока на слово. Хотя конечно жаль.

– Ну, что ты хочешь, это машина, всё бывает, то здесь отвалилось, то там – техника. А как тебе машинка-то вообще? Подходит?

– За неимением лучшего, сгодится. Цена – качество, соответствует.

– Да за такие деньги велосипеда нормального не купишь, а тут машина, да ещё и сама едет! Так что, давай в субботу приходи с деньгами, откроем капот и в ГАИ на переоформление. А сейчас я прокачу тебя на супертачке, садись, поехали, довезу тебя до дому!

– Жалко сегодня только вторник, а то бы щас могли бы всё оформить, – сказал я, садясь в ВАЗ 2105.

– Успеешь ещё, до субботы всего ничего осталось.

Коля как следует газанул и, плавно отпустив сцепление, вырулил на городскую улицу с ярким названием: «Перворакетная». Городок обвевал нас прохладой в открытые окна автомобиля, а Тимофеев выдавал увесистую порцию децибелов своей громкоиграющей магнитолай, надрывался Фредди Меркьюри и мы молча, наслаждались дорогой. От ослепительно-блестящей, ещё не запылённой зелени, рябило в глазах. Зелёная травка, самоотверженно пробивалась сквозь прошлогоднюю листву и неубранный мусор, создавала прекрасный, мягкий ковёр. И по этому ковру, как по подиуму, вышагивали важные, майские коты. Коты попадались всех мастей и пород, один даже был совсем без шерсти, видимо, разогревшись на солнышке, решил скинуть, надоевшую за зиму шубу. Каждый из них был занят своим, как им, наверное, казалось, неотложным делом. Один внимательно вынюхивал каждую травинку, боясь пропустить, хотя бы одну не исследованную. Другой сидел у края дороги и внимательно следил за движением, сурово смотрел на проезжающих ми-

мо автолюбителей, сквозь зелёный прищур изумрудных глаз. Третий важно вышагивал по свежей травке, стараясь ступать по земле, не повреждая новоиспечённой зелени. Двое пушистых созданий так отчаянно гонялись друг за другом, что выбежали прямо под колёса, уже почти моего жигулёнка, но Тимофеев хладнокровно нажал на великолепные тормоза и спас безумцев. Выругавшись, Николай двинул дальше уже по «Новоракетной». Коты восхищённо смотрели на Колю и в «душе» громко аплодировали ему скандируя: «Да здравствует! Тимофеев!» или даже нет: «Виват! Тимофееву!». Коля, правда, позевывая, рулил, не подозревая о своей славе. А кошки уже заглядывались на аппетитных голубей, деловито клюющих рассыпанные крошки, и осуждали собак, гуляющих со своими хозяевами. Людей, конечно, они игнорировали, считая их недостойными, своего внимания. Короче говоря, весна была в самом разгаре, и все были счастливы и довольны, что наконец-то зима кончилась, теперь можно наслаждаться теплом и ласковым солнцем, не опасаясь быть простуженным и зараженным противным вирусом. Это было фактически осязаемым счастьем. Казалось бы солнце и тепло, а человек уже счастлив. Вот, а если б не было зимы, узнали бы мы об этом? Нет. Значит, долгая, холодная зима это прелюдия к весеннему теплу и они так же связаны, как грусть и радость, и слёзы со смехом. Ведь без горя, мы не узнали бы счастья, не было с чем сравнить. И вот сравнив с февралём май, мы верим, что счастье всё-таки есть, его не

может не быть, при таком ласковом и ярком солнце.

– Ну, всё приехали! – вывел меня из задумчивости Николай. – Вот эта улица, вот этот дом! Правда, барышни не видать, а нет, две вон на лавочке сидят, наверное, тебя ждут!

– Да, сидят две «красотки»! – ответил я, разглядывая двух местных бабуль у подъезда. – Им бы годков сто сбросить, сошли бы за молодух! Пока, Колян! Ближе к субботе созвонимся!

– Окейно! – улыбнулся Тимофеев и рванул с места.

Я прошёлся по тёплому, обласканному солнцем двору, пересек детскую площадку с двумя резвящимися малышами и, поздоровавшись с двумя бабулями у подъезда, вошёл в дом. Родные «пенаты» встретили меня прохладой и непонятной сыростью, это было время, когда отопление уже отключили, а ночи ещё были довольно холодные, да и старые дома со стенами, покрытыми толстым слоем дранки, хорошо защищали внутреннее пространство от тепла. Поднявшись на второй этаж, я привычным движением, достал из кармана ключи и открыл, старую, оббитую дерматином дверь. В двухкомнатной квартире, доставшейся мне от бабушки, было тихо и уныло. Солнце пробивалось сквозь пыльные занавески, и в воздухе кружились миллиарды пылинок, ярко освещённые и медленно порхающие. После кончины бабушки здесь мало что изменилось, разве только компьютер, да лыжи в углу, нарушали привычный уклад старушечьего быта. Слава богу, моя бабуля не страдала манией накопительства и обстанов-

ка в комнатах была довольно спартанской. В первой комнате был стол, четыре стула, два кресла, тумба с телевизором и огромный шкаф с сервантом. Во второй кровать, письменный стол, заваленный учебниками и книгами, стул и небольшая прикроватная тумбочка, плюс стол с компьютером, который открывал окно в огромный мир Интернета. В принципе здесь было всё необходимое для жизни. Раздался сильный треск, это старый телефон в прихожей громко заявил о себе и я, поёжившись от холода, взял трубку.

– Алло! – выдал я с ходу.

– Привет, сынок! Как ты там? – спрашивала меня моя мама.

– Привет! Да всё хорошо!

– Может надо чего или деньги кончились. Ты говори, не стесняйся.

– Да нет, денег пока хватает и еда пока есть. Если что надо будет, я зайду, ты не переживай, – успокоил я маму, вспоминая про пустой холодильник и мелочь в кошельке, уж не говоря о заветном автомобиле.

– Ну ладно, а то я на работу ухожу, ты если что, мне туда позвони.

– Хорошо! Mamochka я буду иметь в виду.

– Тогда пока!

– Пока!

Я положил трубку, пытаюсь решить с чего начать, то ли пойти в магазин, то ли полезть в погреб за картошкой. От-

крыв кошелек и найдя там последнюю пятисотенную купюру, я понял, надо лезть за картофелем. О, этот великий и могучий, всегда выручающий корнеплод, сколько раз ты выручал меня, да и не только меня, а целые страны из неминуемой гибели. А ведь сначала в России его и сажать-то не больно хотели, слава богу, Петр настоял и мы теперь в полном порядке, сыты и довольны. Недолго думая, я достал пустое ведро из-под мойки и, заметив на столе полную солонку соли, довольный взяв ключи, поскакал по лестнице в сарай. На улице бабули зло посмотрели на моё пустое ведро и, мысленно отругав меня, решили обсудить моё поведения мне в след. Я же преспокойненько подошёл к сараю, щёлкнул замком и, спустившись вниз, стал на ощупь набирать картошку. В погребе было темно, фонарик мной как обычно был забыт, да и хлопчатобумажные перчатки тоже. Поэтому в потёмках, убрав с короба еловый лапник, который служил своеобразной защитой урожая от мышей и крыс, я аккуратно, стараясь не повредить тонкую кожицу уже начавшего прорастать прошлогоднего картофеля, стал набирать холодные корнеплоды в ведро. Картошка вначале отдавалась громким эхом об дно пустой тары, но по мере наполнения поутихла и совсем смолкла, вместе с последней картофелиной. Пытаясь найти ещё хоть что-то, я как слепой шарил по пустым полкам погреба. И о чудо, мне в руку попала какая-то банка, по весу я понял, что она полная, схватив её и ведро картошки, я выбрался из погреба. Конечно, дотошный читатель скажет:

«Как он смог, без рук по приставной лестнице, да в темноте?». А вот смог. Сказываются долгие годы тренировок, да приставная лестница прибита к полу и довольно широкая. Короче, я великий акробат, вот и всё. На свету, после осмотра новообретённой банки, радость моя поутихла. Банка содержала старое, заплесневевшее варенье. Вздохнув, я закрыл сарай и побрёл домой. Соседки на лавочке, видя моё состояние, радостно щебетали. А может, мне просто так показалось, ведь весь мир смеялся надо мной, корча свои гримасы. Даже галки хохотали с дерева: «Ха-Ха-Ха! Заплесневевшее варенье! Ха-ха-ха! Вот умора! И несёт же домой, несёт! Смотрите! Ха-ха-ха!». Кошки равнодушно щурили глаза на солнце.

Я скрылся от всех в подъезде и поднялся в своё убежище. Хорошо все-таки иметь укромный уголок, без него человеку живётся неуютно. Негде зализывать раны и проглатывать обиды, полученные в неравных схватках со злом. Пусть даже это зло в образе начальника или прекрасной блондинки, наоравшей на вас. Зло не имеет границ и может предстать перед человеком в любом облики. Недаром говорят, что у дьявола тысячи личин. И люди издревле интуитивно пытались укрыться от лукавого, кто в пещере, кто в шалаше. И конечно в укромном уголке куда легче переносятся все невзгоды и кручины. Ну, а в отдельной квартире вообще красота, здесь можно годами лечиться от стресса и обид, потому как имеется всё необходимое для жизнеобеспечения. Это даже

не келья монаха, это полная отрешённость от мира сего, ведь монаху придётся выходить в мир, извините за водой, едой или там, в туалетную комнату, а здесь есть всё, главное холодильник забить под завязку. Конечно, может и были чудеса, когда монах столпник, прожил на вершине столба полгода, не спускаясь, но это всё на совести «летописца». Мы живём в реалии, и если человек хочет уединиться, то лучшего места, чем собственная квартира, в мире просто нет. А я в этот момент был близок к состоянию мелкой неудачи, и мне просто было необходимо побыть одному. И вот захлопнув входную дверь, я остался один на один со своим «горем». Скинув ботинки, и поставив «горе» на стол, а ведро с картошкой рядом с раковиной, я достал нож из буфета и принялся чистить картофель в большую, пятилитровую кастрюлю. Вода текла, смывая грязь с картофелин, обнажая их до чистой, непорочной, тончайшей кожицы, ножик в моих руках безжалостно срезал опаловое покрытие с корнеплодов и буравил картофельные «глазки», оставляя прекрасное белое тело в моих руках. Эту красоту я в свою очередь резал на две, а иногда на четыре части и ещё раз ополоснув под краном, клал в кастрюлю с водой. Этот процесс полностью успокоил мою нервную систему, под конец я уже громко пел: «Ехали казаки, гуркотив их трактор!». И вспомнил про варенье, только когда посолил картофель и убрал чистый нож в буфет, случайно скользнул глазом по столу и врезался в банку. Я взял её в руки и без сожаленья поставил в мусорное вед-

ро, так грустно закончилась история сладкой лесной малины, собранной мной в девственных лесах Тверской области. А сколько она могла принести пользы, спасая меня от голода или простуды, но что делать – «Такова селя ви!» – как любил говаривать Наполеон, переезжая на санях через Березину.

Кастрюля приятно булькала, картошка пенилась, я снимал пенки ложкой и сливал их в раковину. Жизнь была прекрасна, и весенние птицы за окном беспрестанно напоминали об этом, своим громким криком. Я дремал, облокотившись на кухонный стол, мне снилась новенькая машина и сладкая, сытая жизнь, но почему-то, всё это имело запах горелой картошки. Стоп! Картошка! Открыв глаза и увидев кряхтящую кастрюлю, источающую резкий запах пригорающего картофеля, я мгновенно погасил газовую конфорку. Да уж, не везёт так с детства. Пришлось переключать уцелевший урожай в другую кастрюльку, а пригоревшую, вместе с гарью, замочить в раковине. Хорошо ещё целая картошка почти не пахла гарью и я, добавив в неё тёплой воды, намял прекрасное картофельное пюре. Вот и ужин готов, не хватало только хлеба и сосисок. Но их не было, в магазин идти не охота, да и денег всего пятьсот рублей, надо до пятницы как-то дотянуть. «Будем говеть картошкой»: думал я, накладывая большую тарелку. Тёплое, дымящееся пюре, приятно наполнило мой пустой желудок, и бог Морфей начал звать меня к себе в гости. Спротивляться было бесполезно и я, не помня как, добрёл до кровати, рухнул на неё плашмя. Всё! Аллес!

Проснулся я от тренькающего в коридоре телефона. Качаясь, неуверенно ступая по ковру, с трудом нащупав аппарат, я поднял трубку.

– Бригада торпедных катеров слушает! – невольно вырвалось у меня.

– Хорош, острить Антонов, – это уже Усачёв, с другой стороны провода. – Я тебе по делу звоню.

– Какие могут быть дела в полвосьмого вечера! – шурился я на часы в комнате.

– Дело серьёзное. Надо ванну вниз спустить и в металлолом сдать.

– Может завтра?

– Не-э. Сегодня. Я уже с двумя договорился, ты четвёртый.

– Ладно. Сейчас приду, – грустно сказал я, положив трубку на рычаг.

«Заодно и в магазин зайду», – автоматически подумалось мне.

Пройдя на кухню и выпив стакан воды, мне невольно пришлось вытащить странный цилиндр из кармана, такой он был тёплый, почти горячий. Я принялся его осматривать, но ничего не обнаружил. Просто блестящий цилиндр из нержавеющей стали, диаметром 10 миллиметров, высотой 50. Пробовал его магнитом, да действительно не магнитится, значит точно нержавейка. Но какой-то он был странный, слишком гладкий, слишком блестящий. И если б не нашёл я его собствен-

ными руками в земле, сказал бы, что он: «Неземной». Я положил его на стол и, накинув куртку, влез в туфли, так я отправился к Усачёву.

Витька жил в двух кварталах от меня и пешком это занимало минут пять ходу, нормального шага. Я шёл, с наслаждением вдыхая аромат черёмухи, которая росла буквально на каждом шагу. Местами попадались все белые, как весенние невесты – прекрасные яблони. И увидеть посреди этой красоты, юную, похожую на весенний цветок стройную девушку, было столь фантастично и волшебно, что просто дух захватывало. Да, как тут не влюбиться, когда сама природа требовала этого. Ласковое солнце приказывало девушкам носить как можно меньше одежды. Юноши после зимы, видя открывшиеся прелести юных красоток, конечно, приходили в неописуемый восторг. Зарастающие зеленью, укромные сады с невидимыми лавочками, приглашали влюблённых на свободные места для поцелуев. От улыбки, незнакомой встречной девушки, можно было сойти с ума. А, казалось бы, ну, что тут такого ну яблони, ну девушка, как будто ты её не видел до этого. Видел и не раз, но весной всё выглядит по-другому, и сколько бы, кто не говорил, зачем эта любовь, эти девушки. Но приходит весна и тот из юношей, кто ещё недавно уверял, что он никогда не влюбиться, уже ухаживает за поманившей его чаровницей. Природа всё устроило так, чтоб никто не мог укрыться от естественного желания продолжения жизни. И как бороться с этим желанием, если

нет любимой девушки. Челентано в старой комедии, дрова, я шёл к Витьке вытаскивать ванну. Наверное, как-то так.

Встречные девушки щебетали и проходили то парами, то группами, я учтиво обходил их по краю асфальта. Попадались, конечно, и встречные ребята, от них я старался держаться ещё дальше, потому как весна, гормоны играют и всё такое. Конечно, бравая милиция или я сам могу защитить себя, но лучшая драка, это драка, которой не было. И мой путь неумолимо приближался к своему финалу, показавшейся «Витькиной» высотке. Это было довольно не новое девятиэтажное здание, построенное в 70-х года прошлого века. Подъездов было четыре, Усачёв жил во втором. Нумерация идёт с лева на право, и я двигался вдоль дома к третьему с права подъезду. И у четвертого, по нумерации подъезда меня окрикнул хриплый голос.

– Братишка! Закурить есть?

– Не курю, – отмазался я, отыскав глазами здоровенного попрошайку, сидевшего в центре компании на лавочке у подъезда.

– Слушай. А ты латинский знаешь? – сказал здоровяк, вставая и обступая меня со всех сторон, всей честной компанией.

– Нет. А что? – начал я подозревать недоброе.

– Да, бабушке рецепт прочитать нужно! – улыбался вожак
– А деньгами не богат?

– Вот чего нет – того нет, – бодро ответил я, с грустью по-

думав о последних пятистах рублях и мобильнике в кармане джинсов.

– А если мы внимательно посмотрим? – говорил он и в упор смотрел мне в глаза с высоты двух метров.

Да, такой посмотрит, и не то, что пятьсот, тыщи не жалко. Лишь бы быть подальше от этих ярко-синих, с лучистой радужницей – глазков. А ручки то, размах больше двух метров с пивными кружками-кулаками по оба конца. Его бы в бокс, честь страны от здоровенных кубинцев защищать или там, в борьбу японцев на татами месить. А тут я слесарь-интеллигент, заочно учащийся в радиотехническом институте. Рост меньше 180, вес 70 кг вместе с одеждой. Что я могу противопоставить этой докучливой компании – только ноги, причём быстрые и рвущие с места километров 40 в час. Да пора убегать, скучновато становится. И собеседники так себе. Только бежать как-то стыдно и не солидно. Но, что делать надо, так надо. Я хотел, уже было рвануть. Но...

– Так это же Генка Антонов! – авторитетно заявила смазливая красотка в мини юбке, открывавшей её прекрасно сложенные, стройные ноги. – Он, наверное, к Усачу, помогать ремонт делать идёт. Пусть валит!

– К Усачу!?! – начал туго соображать верзила. – Ну, ладно. Своих не трогаем.

– Да, чего с этого заводского нищерброда взять то? – резюмировала моя спасительница.

– Скажи, спасибо. Натаха тебя признала. А так не избе-

жать тебе осмотра с пристрастием. – Назидательно молвил громила.

– Спасибо, конечно, но я и сам бы мог за себя постоять! – начал геройствовать я.

– Это как это? – удивился, разворачиваясь, великан.

– Ну...

– Хорош, Олежа, – ласково сказала Наташа Глазунова.

Да именно Глазунова, окончательно вспомнил я, а то всё вертелось в мозгу, то ли Репина, то ли Шишкина. Но теперь вспомнилось окончательно и бесповоротно, бывшая моя одношкольница из паралейного класса «Б» – Наталья Глазунова. И сейчас одного её только слова было достаточно, чтобы вся компания во главе с Олежей, повиновалась ей беспрекословно. Вот она магия женских чар в действии. Скажи, пожалуйста, а в школе никто особенно и не обращал внимания на эту толстуху. А сейчас? Вытянулась, похудела, а похорошела-то как! Просто «Мисс Вселенная». Откуда чего взялось? Непонятно.

– Рот закрой и чеши, пока не дали! – серьёзно, полушёпотом вывела меня из раздумья Наташа.

– Понял, – быстро сказал я и пошёл к Витьке, хотя конечно хотелось перемолвиться парой слов с Глазуновой, поговорить о метаморфозах и сделать ей пару комплементов. Но обстоятельства не позволяли, да ещё неизвестна реакция на них Натальи, про спутников её вообще – молчу. Вот такие бывают чудные встречи. Впрочем, ладно, всё обошлось, бе-

жать не пришлось! Что-то я стихами начал думать, неужели влюбился. Как тут не влюбиться, весна, птички поют, всё цветёт и благоухает – Наташка с голыми ногами. И с какими ногами – длиннющими, гладкими и отточенными. О таких ногах можно романы сочинять, эти ноги способны жить отдельно от хозяйки, о них складывают легенды все соседские мальчишки. Они не дают покоя всем женатым мужчинам и способны поселить ревность и беспокойство, не одной сотни жён. А хозяйка этих ног, может поселиться в голове тысячи мужчин и жить там до самой их смерти. Да тут всё сложилось в идеальную картину; и пухлые, ярко-красные губы, и прекрасные голубые глаза с длиннющими, уходящими в бесконечность ресницами, и шёлковые, густые и тяжёлые светлые волосы. А точёная, виртуозно исполненная фигура, с чёткими, округлыми бёдрами и чувственно поднимающейся при дыхании грудью. Всё это приковывало внимание мужчин, и они безропотно отдавались этой красоте, подчиняясь её хозяйке!

Наконец-то я достиг «Витькиного» подъезда. Поздоровался с местными бабулями на лавочке.

– Что пристают хулиганы?– обеспокоено поинтересовалась одна из них.

– Да, нет,– успокоил я. – Рецепт на латинском хотели прочитать, а я по латински не очень...

– А мы уж хотели милицию вызывать! – подхватила другая бабуля. – Житья от этих бандитов нет, прохода ни кому

не дают...

И тут вступила ещё бабуля про хулиганов, и всё это превратилось в шумный словесный базар. Я же под это дело шмыгнул в подъезд и был таков.

В тёмном, пахнущим «запахом многоэтажек» холле мне удалось нащупать оплавленную кнопку вызова лифта и осталось только дожидаться его прибытия. Но прибытие всё откладывалось и откладывалось. Лампочки табло загорались и гасли, словно новогодняя гирлянда, но до первой цифры доходить отказывались. А пониматься на шестой этаж, ой, как не хотелось. Но видимо, мне на роду написано, постоянно не попадать в унисон со временем. Прождав, пять минут, насмотревшись на моргающие лампочки, я поплёлся по лестнице вверх. Лестница была серая и довольно грязная, особенно у мусоропровода. Тут и там, попадались яркие обёртки от конфет и шоколадок. С каждым шагом мои молодые мышцы ног уставали всё сильнее и сильнее. Каково же старикам подниматься, если лифт не работает? В районе третьего этажа мимо пронёсся лифт и, судя по звонким детским голосам, довольно загруженный. На четвёртом я почувствовал всю прелесть занятия спортивным подъёмом на высоту. На пятом я пожалел, что не дождался лифта. На шестом меня встретил Витёк.

– Ну, где тебя носит, я уже хотел звонить.

– Так у вас лифт постоянно занят, еле поднялся.

– А, это, наверное, детвора катается. Разберёмся. А сейчас

главное ванну на лестничную клетку вытащить.

– Мне щас главное передохнуть.

– Потом передохнёшь. Главное ванна!

– Ну и приоритеты у тебя!

Мы прошли в, разорённую ремонтом, квартиру Усачёва.

– Здорово! Генаха! – улыбался Димка Барабанов.

– Здорово-здорово, давно не виделись, – отсалютовал я.

– А это мой брат – Пётр Барабанов, – представил своего родственника Дмитрий, он показался мне похожим на Диму, но ростом ниже сантиметров на пятнадцать и моложе года на два.

– Привет, – сказал я и пожал руку Барабанову младшему.

– Ну, взяли брёвнышко! – скомандовал довольный Виктор.

Мы с трудом вытащили, тяжеленную чугунную ванну из крохотной ванной комнаты. Витька с Петром два раза прищемили себе пальцы, и мы сели передохнуть в коридоре. Советская чугунина стояла посередине и всем своим видом показывала, что уходить она никуда не собирается. И лучше её поставить на место и понапрасну не беспокоить. Ну, подумаешь, слегка пожелтела и кое-где отбилась эмаль. А новая лучше будет что ли? Сейчас всё китайское, всё тяп-ляп. А в Союзе делали обстоятельно, на века.

– Ну-ка, взяли! Ну-ка, дружно! – пытался подбодрить нас Витька, но уже с потухшим энтузиазмом.

И вот мы уже на лестничной клетке, правда, Витька уже

с отдавленной ногой и Дима ободрал обе руки. Я пока единственный уцелевший и на правах менее пострадавшего, вызвал лифт. А в ответ – тишина. Проходит пять минут, потом десять. И тут поднимается сосед Усачёва и говорит:

– Зря ждёте, лифт сломался, да и ванна ваша в него всё равно не зайдёт. Я свою громадину по лестнице спускал.

– Незадача... – взгрустнул Витька, но не надолго. – Ну, по лестнице, так по лестнице! Поехали ребята!

Но лестница была узкая, ванна большая и вдобавок каждый раз на переходах её приходилось поднимать на руки. То и дело кто-нибудь из нас вскрикивал: «А! Ванна! Рука! А! Нога! Этот Барабанов, этот нехороший человек мне на ногу уронил ванну, падла!». И проклиная строителей с их узкими лестницами, мы упрямо ползли вниз. Сколько раз Витька кричал: «Всё бросаем! Перекур!», просто не сосчитать, да и не зачем. Ванна тяжелела с каждой секундой. И когда мы выталкали её наружу, она весила, наверное, целую тонну. Практически на четвереньках дотолкали её до лавочек и тяжело выдохнув, решили сделать серьёзную остановку. Покалеченные и усталые мы сидели на ванной и слушали трескотню «лавочных» бабулек, Димка молча курил.

– Ванну-то на дачу отвезли бы под воду! – говорила самая, «молодая» бабуля.

– Конечно, в ней и навоз замачивать можно, – поддакивала другая бабушка. – И кресла из их делают.

– А ещё в металлолом её сдать можно, – вставляла третья.

– Кресла мы, конечно, делать не будем,– сам с собой разговаривал Усачёв.– А вот в «металл» сдать можно, но оно таво не стоит. Вес не соответствует, мизерному количеству денежных средств, вырученных за него.

– Ты не кури здесь, милок, а то дышать невозможно, – перевела тему самая «молодая».

– Да! Ишь раскурился! – поддержала вторая.

– Спасу нет от этих курильщиков! – продолжала третья.– Хоть бы людей окружающих постеснялись! Курюют и курюют! Вон и девки туда же! Ни стыда, ни совести!

Это уже было обращено, к проходившей мимо Наташке Глазуновой с рыженькой подружкой, в одинаковых мини юбках. Обе они курили на ходу.

– Да, что вы такое говорите баба Люда! Мы не курим! Это мы комаров отгоняем, специальной смесью! – парировала, не останавливаясь, Наташа и рассмеялась в унисон с подругой.

– Ой,ой,ой! Комаров они гоняют!– сетовала баба Люда.– Я вот маме твоей расскажу, каких вы тут комаров по ночам гоняете!

А мы вчетвером, не обращая внимания на словесные перипетии старушек, как зачарованные следили за подружками, пока они не скрылись за углом. Тут где-то заорали коты. И Виктор, выйдя из ступора, сказал:

– Да! Однако ванну желательно от подъезда к мусорной площадке оттащить!

– Может не надо,– сделал робкую попытку отмазаться Ди-

ма.

– Надо, Дима! Надо! – улыбался Витя.

– Как не надо? – подхватила баба Люда. – Во! Дают! А мы, что тут на вашу «красоту» любоваться будем!?! Вы уж давайте оттаскивайте, оттаскивайте.

Наша команда дружно навалилась на «чудо» сантехники и, пройдя пару метров, так же дружно бросила это «чудо», и уселась на него.

– Говорил вам, выбросить её с балкона, вот и всё! – «грузил» нас Дима. – И тащить осколки было бы легче!

– Ну, да. А если убило кого? – отрезал Витя. – Вот на счёт тащить, это ты верно подметил.

– Иваныч, ты говорил, тебе ванна на огород нужна? – обратился Усачёв к проходившему мимо мужчине пенсионного возраста. – Во! Забирай!

– Да не вопрос, – подошёл седой пенсионер и начал осматривать ванну. – И слив есть с пробочкой, отлично! Беру!

– Ну, тогда мы её здесь оставим или как? – с надеждой заискивал Витька.

– Оставляйте, – на радость нам согласился Иваныч, отсчитав пару бумажных купюр. – Я щас сыну позвоню, он её на эвакуаторе заберёт.

– Тогда лады? – улыбался мой друг. – Пойдём мужики, отметим это дело!

– Добро! – заключил Иваныч.

Мы воодушевлённо двинулись в недавно открывшуюся

«Пятёрочку» неподалёку. Витька на радостях купил пива «Балтика», чипсов «Лэйс» и «Останкинские» пельмени. Я заодно купил нарезных батончиков и «Фермерских» сосисок. Усачев, конечно, хотел купить весь магазин, о чём он незамедлительно сообщил симпатичной продавщице, но та, зевая, попросила для начала оплатить пробную партию продуктов. Витька пошарил в кошельке, сказал, что не хватает тридцати рублей, попросил меня добавить. И успокоил продавщицу, что ещё не вечер, сейчас он сходит, доллары поменяет и заберёт остальное. Продавщица утомлённая подобными «весельчаками», даже не улыбнулась, а занялась следующими «миллионерами-бизнесменами», стоявшими за нами.

На улице уже стемнело, и приятная свежесть майской ночи ласкала наши лица. В кустах надрывались соловьи и их трели заглушали наши голоса. Майские жуки пикировали с зелёных берёз, как истребители с пронзительным жужжанием пролетали мимо нас. Иногда на бреющем полёте, они касались наших голов и, заглохнув, вновь бешено ревели своими моторами-крыльями, как лётчики-асы устремлялись ввысь. А там, на высоте происходили основные воздушные баталии. Битва была не равная, сотни самоотверженных «майских» атаковали бездушные городские фонари, которые равнодушно освещали городские улицы. С разгону, врезаясь в яркие плафоны, жуки отлетали от них как мячики для пинг-понга, и всё же вновь и вновь поднимались, и шли на отчаянный таран. Некоторые из них, уже получив от

фонарей по полной программе, устало кружили в свете их ламп, лишь слегка касаясь «светил». Иногда в их славные «боевые ряды» вливались огромные ночные бабочки бражники, которые своими крыльями создавали причудливые тени и, казалось, вот-вот погасят непобедимые фонари. Но яркие лампы продолжали гореть, а Дон-Кихоты-жуки, всё бросались на них как на ветряные мельницы. К тому же у фонарей были союзники в виде дворовых мальчишек, которые ловко сбивали слабых жуков и складывали их в спичечные коробки. Чудно это выглядело со стороны, казалось, ватага ребятишек гонялась за невидимыми призраками и пыталась поймать их кто курткой, кто сачком, а кто-то просто размахивал руками на бегу. В кустах вопили коты, своими криками они напоминали тревожные сирены, предупреждающие о воздушном налёте в военное время. Мы шли посреди этого безумного весеннего помешательства, как разведчики от одной линии фронта двора к другой, только вместо запаха пороха, нам дурманила голову душистая черёмуха. И от её дурмана встречные девушки становились привлекательней, и жизнь казалась слаще и упоительней. И с каждым вдохом этого эликсира, хотелось остаться под сенью какой-нибудь славной черёмухи, и дышать, дышать, наслаждаясь этим опьяняющим ароматом весны. Сидеть и слушать, как распускаются листья и бутоны, смотреть на небо, где под светом луны загораются и гаснут звёзды. Но приторный запах подъезда остудил наши горячие головы, а в квартире у

Витьки, мы окончательно пришли в себя и начали готовить праздничный ужин.

Собственно ужин состоял из одного блюда – пельменей. Но это настолько универсальный продукт, что из него можно получить как первое, так и второе блюдо. Способов приготовления пельменей великое множество, и каждый день придумывается новый, тут всё зависит от вкуса и таланта стряпухи. Можно готовить в микроволновке, в духовке, на костре, в кастрюле на газовой плите, жарить, парить, заблудившиеся в лесу дачники съели пельмени сырыми. Мы не стали изощряться и отварили их в кастрюле, добавив, лука и конечно, немного соли. Десять минут и сытный ужин готов.

– Вот мы молодцы! – радовался Витя, улепётывая за обе щёки «Останкинские» пельмени. – Ванну освободили, теперь надо плитку отбить и выкинуть. И тогда ремонт пойдёт вширь!

– Да, дел ещё много! – одобрительно вставил Дима, запиная пельмени пивом «Балтика». – Ну, ничего глаза бояться, а руки делают. Тут главное не останавливаться, а потихонечку делать и делать. Торопиться не надо, спешка, сам знаешь до добра, не доводит.

– Ну, да, – согласился Петя. – Взять хотя бы моего соседа, начал он как ты ремонт в ванной делать. Пригласил узбеков.

– И, – вставил Витька, на миг, прекратив поглощать пельмени и пиво, и в глазах у него промелькнул ужас предстоящего ремонта.

– Ну и сделали всё чин-чинарём, знаешь, там плитку итальянскую положили, пол с подогревом, зеркала, подсветка со всех сторон, одним словом красота! – Пётр закрыл глаза, глотая мелкими глотками светлое пиво. – И главное всё быстро так, за неделю управились.

– Ну и ... – холодея от ужаса, вникал Усачёв.

– Заказал ванну новую, классную такую с ручками, с завитушками, белая-белая такая, сам её в подъезде видел. В темноте аж светиться, я ещё удивился: «Во! Цвет, какой и свет включать не надо!».

– И чево? – переживал Витя.

– Ну, чево. Стали ванну заносить. А она в двери не проходит, – Петя поперчил пельмени и продолжал жевать. – Оказалось, они спешили, померили старый дверной проём, а двери поставили новые с другим косяком.

– Ну, – выдавил Витя и выпил пива.

– А проём новый меньше на три сантиметра! Вот тебе и ну! – заключил Пётр. – А ванну выбрали тютельница в тютельница, чтобы в старый косяк зашла. А в новый- то она не входит. Вот такие дела. А всё спешка, да шебутнёшь.

– А ванну, что так в подъезде и оставили? – удивлялся Витя.

– Зачем в подъезде. Косяк вместе с дверью сняли и ванну затащили. Потом узбеки по новой дверь устанавливали и отделявали всё. Ещё с соседа хотели дополнительно денег содрать, но он сказал: «Ваш косяк, я вам и так сполна запла-

тил», – Петр задумчиво жевал пельмени. – А, может, и доплатил, кто его знает?

– Да, ладно, – вставил Дима. – Витька сам всё сделает, и никаких узбеков звать не будет. Да Виктор?

– Не знаю. Как пойдёт, – грустно резюмировал Усачёв.

– Петруха, любишь ты тоску на людей нагонять, – продолжал Барабанов старший. – Вот и Витёк загрустил.

– Да не загрустил я, – оправдывался Витька. – Просто, как подумаешь, сколько всего нужно сделать и ничего не упустить, то голова кругом идёт. Конечно, тут не мудрено, что-то перепутать или просчитаться. Только потом иногда исправить сложнее, чем заново сделать.

– Вот тут главное следовать старинной русской поговорке: «Семь раз отмерь – один раз отрежь!» – заключил Барабанов младший. – Это теперь твой жизненный принцип. А ремонт можно только остановить, закончить его невозможно.

– Ну, спасибо! Успокоил! – вставил Барабанов – старший. – А то, мы без тебя не знали!

– Давайте ещё по пиву, а то после этих погрузочно-разгрузочных работ во рту пересохло! – разрядил обстановку я. – А пиво здорово удаляет жажду, особенно холодное! Ты Дим холодильник-то открой!?! И доставай напиток пенной!

– Да, пожалуйста! Не вопрос! – сказал Дмитрий и достал холодную полутора литровую бутылку. – Пейте на здоровье!

– Пейте пиво пенное, и брюхо будет здоровенное! – подтвердил Петр, восторженно глядя на разливающееся в круж-

ки пиво.

– Древнейший, между прочим, напиток, – начал свой исторический экскурс я. – Известен с эпохи неолита, некоторые считают, что выращивание зерна началось не ради хлеба, а именно из-за пива.

– Ты не умничай. – осудил меня Барабанов – старший. – А по порядку, неолит это что?

– Резонно, – заметил я. – Неолит – новокаменный век, шёл сразу за каменным, где-то девять с половиной тысяч лет до нашей эры. Камни в это время древние люди шлифовали лучше, чем в каменном. Ну, а за ним наступил медный век и бронзовый. Устраивает тебя такое объяснение?

– Ну, теперь пояснее конечно! – заедал древний напиток, пельменями Дима. – Хотя туману ещё много.

– Так! Сейчас конкретно, – прихлебнул пива я. – Точные свидетельства варки пива появились у шумеров около 3000 лет до нашей эры.

– У шумеров? – не удивился Витя. – Ну, тогда понятно! А я то думал! А шумеров всё ясно! Так бы сразу и сказал.

– Да у шумеров, – я продолжал. – Это культура Древне Месопотамии. В это же время начали варить пиво и египтяне, а от них страсть к пиву переняли и евреи.

– Ну, раз евреи пиво пьют пять тысяч лет, значит напиток хороший! – радовался Пётр, разглядывая пузырьки в прозрачной кружке. – Эти плохое пить не будут.

– Ну, да, – пришлось согласиться мне. – А китайцы вооб-

ще пиво из риса начали варить.

– Эти из чего хочешь, сварят, лишь бы продать, – подтвердил Дима. – И не пиво это вовсе, а пивной газированный напиток.

– А в средние века пиво считалось полезным напитком, как для взрослых, так и для детей. Естественно, это было пиво натурального брожения. Вы, наверное, читали «Лавку древностей» Диккенса?

– Конечно! – успокоил меня Витька. – Наша с Барабановыми настольная книга.

– Так вот, там дети пиво пьют, и это в то время считалось нормальным явлением. А всё потому, что пиво продукт кипячения и там меньше болезнетворных бактерий, чем в тогдашней питьевой воде. А в Германии и сейчас называют пиво «жидким хлебом», благодаря высокому содержанию калорий. В общем, пиво есть продукт мирового значения и распространение его повсеместно не только из-за содержащихся в нём витамин и калорий, но и из-за дешевизны и простоты приготовления. Да и, кстати, о женщинах, египтяне, когда строили пирамиды, рабочим обязательно давали пенного, для восстановления сил и работоспособности.

– Значит не зря, мы пива купили! – допил кружку Дима. – Завтра на работу!

– Скорей бы утро, да на работу! – грустно выпалил Пётр.

– И не говори, – запил пенным Виктор. – А я смотрю, пельмени у нас кончились, а пиво осталось. Так и холодильник

ник пустой.

– Ген? Ты вроде сосиски покупал? – с надеждой вглядывался в мои глаза Дима. – Ты для себя, их покупал или как?

– Ну, раз пошла такая пьянка – режь последний огурец! – одобрил отварку сосисок я.

– Цэ дило! – похвалил меня Усачев и, очистив сосиски от плёнки, бросил их в кипящую воду.

Мы сидели и слушали, как булькали сосиски в кастрюле. На душе было хорошо-хорошо, ушли куда-то в даль все житейские проблемы и передраги. В животе сытно плавали пельмени в пиве, и ждали плотного подкрепления в виде «Фермерских сосисок», от этого становилось ещё теплее и уютнее. Начинало медленно клонить ко сну. Я посмотрел на часы, было одиннадцать вечера. Так, что можно ещё посидеть, тем более компания никуда не торопилась, да и спешить было некуда, все жили неподалёку. Вечер был домашнему уютным и невероятно томным. Мы релаксировали и набирались сил после трудового дня. Всё-таки не зря в Союзе существовали кухонные посиделки, где как не на кухне можно поделиться сокровенным и самым ценным. И от этого душевного «стриптиза» страдали в первую очередь самые правдивые и откровенные. Конечно, они выражали общее мнение и все его безоговорочно поддерживали и, безусловно, соглашались, кто словами, а кто молчанием. Но кто вчера молчаливо соглашался, наутро строчил анонимку, во всех красках описывая вчерашние откровения правдурбов. И

наследующий вечер ничего не понимающий любитель правды, встречал у себя дома людей в штатском с красивыми удостоверениями. Слава богу, это время прошло и можно «молоть» всё что хочешь. Но осадок как говориться остался и у теперешних россиян, уже на генетическом уровне сформировалась защита от выплеска правды. Поэтому сейчас людям проще соврать, отругать кого-нибудь, так для отчётности. Но сказать правду, нет уж, на-ка выкуси! Вот раньше всё было понятно, какая она, правда. Выходила коммунистическая газета «Правда» и там чёрным по белому написано, что нужно говорить, о чём спорить, ну и как правильно думать. И всё! Проблема формирования общественного мнения и общих тенденций развития мысли решена. Человеку не надо было, и думать, за него думала партия. А сейчас? Кто за нас думает? Тефаль! Или как там её – О! Икея. Бред. Да человеку сегодня трудно разобраться, что говорить, во что верить. Конечно, есть масса религий и религиозных книг, где подробно описано, что нужно делать и во что верить, но к этому нужно ещё прийти. И путь туда иногда очень не прост, и прямо скажем, не все туда приходят, но хотят, конечно, все, как говориться: «Не бывает атеистов в окопах под огнём!». Человеку нужно во что-то верить, без веры – он ничто. И не важно Иисус это или Аллах или просто светлое будущее, нужна идея, за которую и умереть не жалко. А так человек пустое животное. В современном обществе потребителей людям подсовывают материальные ценности, так проще день-

ги вот они, их можно пощупать, купить какие-то ненужные вещи. Веру, ни увидеть, ни потрогать нельзя. И польза от неё где-то там далеко, а деньги вот они красивенькие, разноцветные купюры на них все, что хочешь можно купить. Даже друга или жену, но какой толк от такого друга или жены, ведь при первой же вашей неудаче, эти так называемые «друзья» или «жены», уйдут к более богатому, ни на секунду не раздумывая или пожалев. Всё кажется запутанным и трудно молодому человеку самому разобраться, как жить, что говорить, ведь одному можно что-то сказать, а другому лучше не стоит. Этим и удивительна жизнь, что нам с рождения даются все ключи от этого сложного ребуса под названием жизнь. А как использовать эти «ключи», тут каждый решает сам. Кто-то использует свои таланты для продвижения по службе, делает карьеру. А кто-то просто обзаводится кучей знакомых и просто наслаждается общением. Есть люди, просто отрешившиеся от всего и им хорошо в своём одиночестве. Иногда молчание- золото. Слава богу, есть книги, а это мысли и идеи реального человека, который жил, страдал на этой земле. И каждая книга нам даёт опыт и знания этого человека, читая, мы как бы общаемся с человеком, который жил сотни лет до нас. И вроде столько лет прошло, а общение идёт тет-а-тет. Мы понимаем автора, ведь он такой же человек, только разум его застыл в буквах и фразах написанных давным-давно. Но опыт и способность выражать свои мысли и чувства, может помочь нам и сегодня. Ошибки, совершен-

ные сотни лет назад, можно не повторять сейчас, если ты уже был предупрежден о грядущей неудачи своим предшественником. О! Книги – великое изобретение человечества, оно дало возможность общаться между собой Древним мыслителям и алхимикам средневековья, македонцам и египтянам, мужчинам и женщинам разных вероисповеданий и возрастов. За каждой буквой и строчкой мы видим мысли и чувства автора, сопереживаем, а иногда негодуем и не соглашаемся с ним. Но конечно живое общения, книга заменить не может. Ведь мы не видим живой реакции автора, что выражают его глаза, какие эмоции захлестывают его, краснеет он или улыбается, громко смеётся или тихо, внятна его речь или он заикается. Человек должен общаться, так он утверждается в обществе, чувствуя поддержку друзей или негатив недругов, без поражений, не бывает и побед. И на кухне с друзьями в обстановке полного комфорта лучше понимаешь значение и смысл жизни, такой простой когда ты вместе с кем-то и такой сложной, когда ты один. Вместе можно решить любую проблему, непосильную одному. А проблем у любого человека в жизни хватает, если он конечно не монах затворник.

– Зарплата, конечно у нас ни на что не годная, – бухтел Димка Барабанов. – Я Петровичу говорю: « Когда зарплату прибавлять будут? Цены растут, а у нас зарплаты падают?». А он только руками машет.

– Да уж! – согласился я. – Лишняя копейка никогда не помешает, тем более в наше кризисное время.

– Достал он уже! – не унимался Дима. – Зарплата крохотная, а он ещё карандашиком пару тыщёнок припишет и отдай ему дань. Видите ли, он лишнее закрыл на меня. Так ты не закрывай, покажи мою реальную зарплату, а то по бумагам я хорошие деньги имею, а на деле пшик.

– А что ты хочешь – начальство! – вставил его брат Пётр. – Он – начальник, ты – дурак! Ты – начальник, он – дурак!

– Я понимаю, что это система и не он это придумал, – успокаивал сам себя Барабанов. – Но надо, что-то менять, заканчивать с этими пережитками, с этими «чёрными зарплатами» и «мёртвыми душами». А то по бумагам одно, а на деле совсем другое. Хочется по-честному, по-справедливому.

– Не, ну это было уже! – улыбался я. – Это мы уже при Советской власти проходили и, что из этого вышло? Мы в России живём, а как в России, ещё Карамзин писал – воруют. И если здесь начать справедливую жизнь, сразу же начинается хаос и неразбериха. Чиновники теряются, как это не воровать? А, что делать? Жить на зарплату? А как? И всё! Весь жизненный уклад рушится, и толку никакого. А хуже всего приходится в первую очередь простому народу. Ведь чиновникам и богачам, что они пересели с места на место, и дальше кровь соси или уехал за границу и был таков. А людям приходится жить здесь, не смотря ни на что. Кризис не кризис, жить всё равно надо. И тут каждый выкручивается, как может, кто на двух работах пашет, кто-то на трёх. Неко-

которые кидаются с головой в российский бизнес и в этом есть свой резон, если есть предпринимательская жилка. Так, что хочешь, Дима по-честному, по-справедливому – становись частным предпринимателем и будешь сам себе начальник.

– Ну, ты загнул предпринимателем, – обиделся Дима. – Тут нужна идея или план хотя бы, да и везение. Крутиться надо, особенно первое время. А там ещё неизвестно куда кривая выведет, может к прибыли, а может к банкротству. Сколько знакомых у меня начинали торговать, а сейчас почти никто этим не занимается.хлопотно и прибыли нет. А у Тимофеева бабуля торгует разными тряпками и горя не знает. Колян говорит, зарабатывает хорошо, всегда с деньгами. Кстати машину он тебе продал?

– Почти, осталось только деньги отдать и машину забрать, – сказал я, глядя на аппетитную грудку сосисок, которую наложил Виктор из горячей кастрюли.

– Давай, налетайте! – весело подбодрил он. – Кому кетчупа? Кому горчицы? Это вы сами разбирайтесь по вкусу.

Горячие, дымящиеся сосиски наполнили кухню волшебным запахом вкусности, и гора быстро исчезла, разобранная по тарелкам. В компании аппетит всегда волчий и люди, глядя друг на друга, уплетают съестное с двойной скоростью. А тут ещё и пиво способствовало быстрому исчезновению фермерских продуктов, как по мановению волшебной палочки Копперфильда. И конечно за разговорами вместе с продуктами незаметно пролетает и время.

– А чё ты, кстати привязался к тимофеевской пятёрочке? – продолжал Дима, прихлёбывая пиво с сосисками. – Бери у меня «копеечку», вещь, проверенная годами.

– Да я не спорю нормальная «тачка», – вкушал сосиски с кетчупом я. – Но хочется, что-то поновее и чтоб в глаза не бросалась.

– А что у меня «копейка» в глаза бросается?

– Ну, цвет у неё больно уж светлый – белый. Да и дымит она у тебя довольно прилично. А ты, кстати, сколько хочешь за неё?

– Масло она конечно «ест» немного, но зато ничего не стучит, не гремит, да и хочу всего-то тридцать пять тысяч!

– Во! И цена у тебя довольно кусачая.

– А Тимофеев, за сколько свою толкает?

– За двадцать.

– Так у него пороги гнилые.

– Есть дыры кое-где, зато цвет неброский – зелёный.

– Ладно, уговорил, давай за тридцать отдам.

– Не и не уговаривай даже, двадцать и точка!

– За двадцать больно дешёво.

– Да я тебя и не заставляю продавать, катайся на здоровье.

– Ну, так-то да.

– Вообще-то, если честно, пятёрочка у него так себе, но движок тянет, будь здоров, редко такие попадаются. Поэтому я и запал на неё. Ну и цена конечно!

– Да цена у неё реальная.

– Вот видишь и ты со мной согласен, так что берём «пятёрочку» и баста!

– Не ты давай лучше у меня ИЖ бери, – вступил в разговор, насытившийся Витька. – Вот это дело, а то ваши эти «тазики» баловство одно. Тут как дал гари, как полетел, только пыль столбом.

– Не Вить ты же знаешь, я не поклонник двухколёсных. Страшновато на них, при нынешнем движении, не то, что раньше.

– Так это дело привычки, сначала страшно, а потом втянешься и будешь между полос летать, – заговорщически подмигивал Витька.

– А сам-то чё не ездешь? – спросил Барабанов старший.

– Да когда мне ездить, то ремонт, то огород. – Грустно вздохнул Усачёв. – Вот и стоит, пылиться, новенький мотоцикл с коляской, между прочим.

– Ну и возил бы в коляске картошку, да редиску. – Ратовал Дмитрий. – И пылиться ему некогда было бы.

– Да, что ты понимаешь в огородах. – Отбивался счастливый обладатель мотоцикла ИЖ. – А ежели дождь? А?

– Целлофаном укрой.

– А ветер?

– Скотчем обмотай.

– Картошка «задохнется» и всё не спорь со мной. – Отрезал Виктор. – Всё равно ты ничего не понимаешь в огородничестве и мотоциклах.

– А мотоцикл «вещь» конечно. – Жмурился Витя от удовольствия и от пива. – Новенький, весь блестит. Я бы его тыщ за пятьдесят продал, наверное.

– За сколько? – поперхнулся пивом старший Барабанов. – Ты чё спятил что ли?

– Ничего я не спятил. Это же не мотоцикл, а мечта. Ты кстати «гонщик серебряной мечты» смотрел?

– Не а! – прихлебнул пива Дима.

– Ну, о чём с тобою говорить? – досадовал Витя. – Ты не романтик.

– Да уж, романтизму сейчас нет. – Посочувствовал я. – Вот раньше люди пешком ходили и на лошадях, а сейчас на самолётах и ракетах летают.

– Да ну, вас! – обиделся Витька. – Ничего вы не понимаете в мотоциклах. – Вот москвичи мотоциклы любят, по «пробочкам» там, по дворам гонять. Там же у них всё перегорожено, а на мотике, раз и проехал. Мотоцикл универсальная вещь.

– Ну, вот и продашь москвичам, – заключил Дима.

– И продам. Там люди в технике разбираются.

– Москвичи машинами заелись им чего-нибудь, такого этакого подавай, – закрыл тему я. – А нам и машины пока в диковинку.

– Не, ну машина гораздо удобнее, чем мотоцикл, – подтвердил Дима. – Особенно это понимаешь в дождь или зимой, когда на улице мороз, а ты печечку прибавил пошибче

в салоне и никакая вьюга тебе нестрашна.

– Да с этим и я согласен, – подтвердил Витя. – Что есть, то есть.

– И с девушкой на природу удобней выезжать, – жёг калёным железом Дима. – Укрыться от посторонних глаз всегда удобно. Особенно если машина затонирована, да ещё и «универсал». Ты, кстати, чё «универсал» не захотел брать? А? Ген?

– Я бы взял, да кто мне его продаст? Тут уж особенно выбирать не из чего.

– Подожди, может ещё подвернётся, – не унимался Барбанов-старший.

– Пока буду ждать и «пятёрочка» уйдёт. А меня в ней всё устраивает, особенно цена. Короче, всё решено. А с девушкой и в седане можно укрыться при желании.

– Да, была бы девушка, – подтвердил Усачёв.

– Точно, – сказал Дима.

– Так выпьем же, за прекрасных дам! – поднял кружку пива Пётр. – И кстати, о женщинах, мне пора, пойду к подруге забегу.

– Ну, начинается, – пожурил Петра Дима. – Первый пошёл, а за ним и все остальные по прекрасным дамам разбегутся.

– Не мы не разбежимся, – успокоил Диму Усачёв. – Мне к моей поздно, а Генке не к кому. Так, что будь спок.

– Да, ну ладно, посидим ещё, – успокоился Дима. – Хотя

и поздно уже.

Часы в это время неумолимо приближались к двенадцати.

– Всем пока! – вставая из-за стола, сказал Пётр и ушёл в коридор обуваться.

Витька вышел за ним следом, чтобы закрыть дверь. Через секунду он вернулся.

– Ну-с! Продолжаем разговор! – бодро сказал Витя и подлил всем пива.

– Эх! Да! Хорошо сидим! – сказал, лакая, пиво Дима.– Скорее бы утро, да на работу!

– Да ахтись ты! – улыбнулся Витя. – Успеешь ещё на свою работу. Тем более на нашу, где каждый день одно и то же. Заготовки, детали и прочая, дребедень.

– Ну, а что ты хочешь? – поддерживал разговор я. – Вся наша жизнь состоит из рутины, бесконечной череды повторяющихся дней. Так устроен наш мир, ведь и Земля просто крутится вокруг Солнца. И это повторяется уже пять миллиардов лет. И в этой цепочке дней нам дана возможность, что-то изменить в лучшую сторону, самим стать лучше. Вы смотрели фильм «День сурка»?

– С Биллом Мюрэем? – вопросом на вопрос, ответил Усачёв. – Конечно, его часто показывают, особенно второго февраля.

– Помните, что он проживал один и тот же день, пока сам не исправился, и не стал добрым и отзывчивым парнем, – напомнил я друзьям краткое содержание картины. – Так и нам

жизнь дана для того, чтобы стать лучше и сделать её лучше для других. Не всегда правда это получается, но надо стараться, хоть это и не просто.

– Каждый хочет быть хорошим, честным и справедливым, – поддержал меня Барабанов. – Но спрашивается, откуда берутся все эти подонки, которые мешают нам жить? Не чёрт же их, в самом деле, надоумил, на пакости и подлости?

– Тут, мне кажется, всё дела в слабости человека, и неспособности противостоять соблазнам, – авторитетно заявил я. – Иной, может и не хочет брать, например взятку или украсть деньги, а как подумает, что сможет купить на эту сумму лекарств для больной матери или оплатить долг, то вольно или не вольно совершает зло. Человек постоянно сталкивается с дилеммой. В этом тоже есть какой-то смысл, без права на выбор жизнь была бы похожа на приторно-сладкое варенье, которое невозможно есть.

– Да, всё зло от денег, – подтвердил Дима. – И от обстоятельств жизненных перепутий. Всё очень запутано.

– Мне бы этого зла, – радостно вставил Витя. – Да побольше, побольше. Я бы с этим злом такого бы добра натворил. Аж дух захватывает.

– С деньгами, конечно, просто дойти до любой цели, – продолжил Барабанов. – А ты попробуй без денег доберись.

– Сделали нас зависимыми от денежных знаков, – подтвердил я. – И в этой зависимости, люди готовы пойти на всё, лишь бы получить как можно больше заветных бумажек.

Продают квартиры, чтоб в бизнес вложиться, а потом остаются ни с чем. Или проигрываются в пух и прах. А ведь у многих и семьи есть, но они об этом не думают, что, удовлетворяя свои амбициозные желания, они заставляют страдать других. И один только бог знает, куда эта дорожка приведет.

– Всё это, конечно, верно, – согласился Витя. – Но, как правило, люди стремятся к лучшей жизни. Побольше заработать денег, чтоб семья не бедствовала, детей своих обеспечить. Рискованно, но ради благих намерений.

– Да, благими намереньями выслана дорога в ад, – усомнился я. – Так можно всё, что хочешь оправдать. У Гитлера тоже благие намеренья были, если б наши деды его не заваляли, некому сейчас было рассуждать о благих намереньях.

– Ну, это ты хватил. Глупо конечно рисковать последними сбережениями, – заступился за игроманов Дима. – А так, можно небольшую ставочку сделать. Выиграл чуть-чуть и уходи. Главное не увлекаться, без фанатизма. Шальные деньги они до добра не доводят. Сколько было случаев, выигрывают по сто, двести тысяч и тут же проигрывают. Всё алчность, да жадность. К деньгам нужно спокойно относиться и тратить с умом, а лучше, чтоб они ещё и доход приносили.

Дима вышел на лоджию покурить.

– Хорошо, когда везёт в жизни, – продолжал Витя. – Выигрыши, наследство на голову валятся. Весело. А так работаешь, работаешь, пока не заработаешь. Просто беда.

– Да нормально всё, – подбодрил Витю я. – Кроме денег в

жизни полно бесплатных радостей. Надо просто радоваться жизни.

– Это мы умеем, – улыбнулся Усачёв. – Это мы можем.

– Ну и всё, – подмигнул я Вите, который в это время подливал лимонад в кружку Димы, который курил на лоджии.

– Эх! Народ гуляет, девчата смеются, – зашёл на кухню Дима. – Хорошо. Ну, по последней кружечке и разбежались.

– Да, я уже всё разлил, – подтвердил Виктор. – Пей Дима.

Дима довольный сегодняшним вечером начал пить хороший, шипучий лимонад, вместо вожделенного пива.

– Эх! Хорошо пиво, аж в нос бьёт! – радовался Дима, глядя на нас, давящихся от смеха. – Люблю когда пиво свежее.

– Это самое свежее, – сказал серьёзно Витя и чуть не подавился от смеха своим пивом.

– Конечно, свежее лучше всего освежает, – чуть не рассмеялся я.

– Ага. Я вот прям, чувствую, освежает так хорошо, – согласился, ничего не подозревающий Дима. – И бодрит так, без горечи. Видал сейчас Наташку с Викой, они даже в темноте своими ногами весь двор освещают.

– Да классные девочки, – веселился Витька. – Только не твоего полёта.

– Ой, ли? – возмутился Дима, и стал рассматривать кружку с «пивом». – Чем это я им не гожусь.

– Они обе в универе учатся, – улыбался Усачёв. – И язычки у них подвешены, знаешь, скольких они облапошили, та-

ких лопухов?

– Как это?

– А вот так, – продолжал веселиться Витя. – Заглядится какой-нибудь простак или пара простаков, на ножки и давай подкатывать. А им того и надо. Раскрутят на деньги, да ещё домой попросят, там всё обчистят. И были таковы. А встретят потом, только хохочут.

– А, что никто на них не жаловался? – удивился Дима.

– Ты их вообще-то видел? – смеялся над удивлённым Димой, Виктор. – Да те, кто с ними общался, мечтают, чтоб их ещё раз эти красотки облапошили, что, кстати, и бывает.

– Не понимаю, – досадовал Дима и глядел на кончающееся пиво. – Что им денег родители не дают?

– Да всё у них есть, – хохотал в открытую Витя. – И родители богатые и друзья с деньгами, приколы у них такие. Ну, вроде хобби.

– Не понятно, – допил «пиво» Дима.

– Нравиться им над людьми прикалываться, – хохотал Витя. – А ещё появится у одной из них поклонник и она ему: «Ты мне нравишься! Я тебя сразу заметила!» и т.д. А потом: «Достань мне тот цветок из клумбы! Ущипни вон ту девчонку, она мне не нравится!», в общем, играют, пока не надоест.

– А дальше? – не унимался Барабанов.

– А дальше, это главное! – смеялся Усачёв. – Как-то, подходит одна из красоток и целует невзначай горе поклонни-

ка. И тут появляется «обманутая» возлюбленная, скандал с разводом и девичьей фамилией. Этих женских штук у них навалом.

– А ты чё всё ржёшь как конь? – улыбнулся Дима. – Небось, тоже за ними бегал?

– Да за ними все бегали, – продолжал хохотать Усачёв. – Потому, что мы мужики так устроены, всё понимаем, всё знаем, но древние инстинкты, заставляют нас бегать, за противоположным полом. А тут такие крали, что мёртвого поднимут.

Дима подозрительно посмотрел на Усачёва, сказал, что ему, наверное, пора, но Витя не унимался.

– Может ещё пива? – улыбаясь и, изысканно вежливо, предложил он.

– А, что ещё есть? – спросил Дима.

– Для тебя всегда найдётся! – сказал Витя и достал из холодильника лимонад «Дюшес» довольно тёмного цвета похожего на пиво.

– Это ж лимонад, – определил по бутылке Дима.

– Да? А ты до этого пил и говорил, что пиво отличное! – закатился от смеха Витя и я с ним за одно.

– Да ну вас, с вашими детскими приколами, – улыбался, махнув рукой, Дима. – Пойду я лучше с Викой и Наташкой пообщаюсь.

– Давай, только в очереди сначала постой, – смеялся Виктор. – Они девушки общительные и поклонников у них хоть

отбавляй. А тебе, кстати, какие больше нравятся рыженькие или светленькие?

– Я когда на них смотрю, никак не могу решить, – задумчиво сказал Барабанов.

– Во-во! Это называется эффект двух зайцев, – согласился Витя. – Я думаю, они на этом специально всю свою тактику и построили.

– Но мне, рыженькие, наверное, всё-таки ближе, – рассуждал Дима. – Рыжее солнце и всё такое.

– Ну, пока, охотничек, – сказал Витя и закрыл за Дмитрием дверь. – Пошли на лоджию поглядим охоту на лис.

Мы вышли на свежий майский воздух и стали ждать появления Димы. Во дворе было тихо и безлюдно, только где-то в доме орал телевизор, пытаясь донести до всех последние известия. Тёплые испарения от нагретого за день асфальта, гуляли по колодцу двора. Они поднимали вверх запахи цветущей черемухи, который приятно будоражил ноздри и нес свежесть весенней ночи. Почему-то такие ночи кажутся особенно волшебными, и ощущается приближение какого-то чуда. Какого, каждый решает сам, ведь ночь то волшебная и можно ожидать всего, что не пожелаешь. Вот и Дима наконец-то вышел из подъезда. Он осмотрелся и, не спеша закурив, двинулся в сторону своего дома.

– Да, наверное, не увидим мы сегодня шоу, – огорчился Витя. – Клоуны все попрятались, и публика разошлась по домам.

– Я тоже, наверное, пойду, – сказал я, глядя в темноту двора. – Первый час ночи всё-таки.

– Ну, давай, – согласился Витя. – А то хочешь, ночуй у меня, мало ли чего ночью бывает. Дима, что он здоровый, к нему не пристанут, а к тебе могут.

– Да, нет. Я пойду, тем более у меня тут защитница центровая есть.

– Это которая?

– Ты её знаешь, которая светленькая.

– Это, с каких пор она ещё и защитница, беззащитных мужчин. Я думал наоборот.

– Ты не поверишь, она меня сегодня от вашего верзилы Олежи спасла. Может, у неё совесть проснулась?

– Сомневаюсь, скорее всего, здесь очередная женская хитрость. И ты уже кажется, заглотил наживку? А?

– Заглотил, – вздохнул я. – Ты же сам понимаешь, против таких чар устоять невозможно.

– Согласен, – подтвердил Витя. – Я сам поддался этому колдовству. Наташка меня почти сразу отшила. Зато Вика долго меня мурыжила, пока у нас с ней полный дисконнект не произошёл. Так, что теперь мы с ней даже не здороваемся. Точнее она со мной, я с ней пытался, а она только фыркала.

– А чё так?

– Да там такая запутанная история произошла. Мы с ней уже встречаться начали в кино ходили, в ресторан, как бы всё было хорошо. И тут до неё слух дошёл, что я хвастался,

как она за мной бегает и какая она в интимных отношениях. Ну, ты понимаешь?

– И?

– И всё! При первой же встречи она меня послала и на мобильник больше не отвечала.

– И что тут запутанного, по моему, обыкновенное «динамо».

– Дело в том, что я на самом деле сболтнул лишнего, и никаких выдумок для расставаний не было. Но как она это узнала? Говорил я не местными ребятами, и только фото её показал. Вот.

Витька достал небольшую фотографию из кошелька, где Вика обворожительно улыбалась, в довольно открытом купальнике.

– Хороша! – согласился я. – Такие фотки кому попало, не дарят. И даже разрешила тебе её оставить?

– Нет. Просила вернуть, но я не отдал, – грустно сказал Витя. – Хочешь, себе возьми или лучше порви, а то у меня рука не поднимается.

– Не. Это ты сам, здесь всё в твоих руках, – передал я фото Вите. – Я порву, я ты потом отойдёшь, да ещё обиду затаишь.

– Да, какие обиды, просто манит меня эта фотография, как магнит. Нет-нет да посмотришь.

– А как же Машка?

– Машка это другое, тут всё просто и понятно, тут любовь до гроба.

– Так чего тебе ещё нужно?

– Не знаю, всё мне нравится, всё устраивает, но с Викторией интересней и поговорить, и просто пройтись по улице, ловить восхищённые взгляды окружающих и самому восхищаться.

– А что Машкой не восхищаются?

– Восхищаются, конечно, но не так.

– Наверное, то была любовь?

– Да любил я её, а теперь былого не вернёшь.

– Ладно, печальный влюблённый, пойду я домой. А то завтра не встать.

– Ну, давай! – уже улыбаясь, сказал Витя.

Я пожал на прощанье Виктору руку в прихожей, взял пакет с хлебом и он закрыл за мной дверь. В коридоре горел тусклый свет от лампочки в сорок ватт и красный индикатор кнопки вызова лифта. Моя рука сама нажала вызов. Лифт распахнул свои гостеприимные двери, и я спустился вниз, попутно изучив инструкцию по правилам пользования лифта. Наполненный знаниями и вводными инструкциями, словно в тумане я вышел во двор. Теплота и свежесть убаюкивала меня, и майская ночь решила быть моей попутчицей.

Спать в такую ночь просто безумие, когда можно сидеть в кустах сирени и слушать, как распускаются листья под громкий кошачий хор. Но самый трудный рабочий день давал о себе знать, и глаза сами закрывались. К тому же полный желудок стремился всеми средствами уложить тело на обе

лопатки. И в такой полусонной дрёме я медленно, на «автопилоте», двигался к дому. Фонари, как на зло, не горели, не видно ни зги. Благо идти было недалеко и ноги, чувствуя вожаделенный отдых, бойко чеканили шаг, по разбитому тротуару. Накатил порыв сильного ветра, небо озарилось вспышкой молнии, грянул гром. После вспышки я автоматически сосчитал до десяти, когда раздался гром. Значит, дождь в километрах десяти и можно успеть до дома дойти сухим. В случае чего можно укрыться под пакетом с хлебом. Да, чем чудесна ночь, так это невидимыми сюрпризами, которые появляются из темноты. Сюда бы Стивена Кинга, он развил бы эту тему, как из темноты появляются жуткие чудовища и, обволакивая вас своими чреслами, тащат в холодную пустошь. Б-р-рр! Слава богу, Кинга со мной нет, и зачем придумывать всякую жуть, начитаешься этой ерунды, а потом мерещатся монстры в каждом кусте, и сам себя пугаешься. Тут из кустов до меня долетели звуки человеческого голоса и неожиданный дьявольский крик. Какое-то чёрное чудовище вонзилось мне в грудь своими острыми зубами или когтями. Я инстинктивно схватил это руками и стал отрывать от себя, но чёрное чудовище только ещё сильнее впибалось в меня, стараясь снять с меня «джинсовку» вместе с футболкой. Мерзкое чудовище издавало жуткие крики, и было мягкое на ощупь. В этой ситуации другой бы упал в обморок, но я стойко держался и не отпускал монстра. И тут неожиданно на меня подло напали сзади. Кто-то схватил ме-

ня за руки, холодными и влажными конечностями и стал разжимать их, стараясь вырвать вцепившееся в меня чудище. Я пытался сопротивляться и тут второй нападавший, взволнованным женским голосом, сказал: «Да отпустите моего кота, чего вы в него вцепились!».

– Я бы рад, но он первый начал! – сказал я, понимая, что «чудище» всего лишь чей-то домашний питомец, а второй нападавший девушка.

– Ну, Васячка! Ну, миленький! Отпусти дяденьку! – уговаривала кота незнакомка, и в голосе её звучали плаксивые нотки.

– А чё вы котами кидаетесь? – вопрошал я, стараясь освободиться, от острых когтей.

– Я не кидалась, а с дерева хотела его снять! Ветер подул, он свалился и на вас! – сказала незнакомка уже каким-то знакомым голосом. – Я же не виновата, что вы тут по ночам штаетесь.

– Я не шатался, я домой шёл! – обиделся я.

– Что-то знакомый путешественник, – ещё более знакомым голосом произнесла незнакомка, из-под копны, льющихся по лицу, светлых волос. – Антонов ты чё тут по ночам лазаешь? Тебе спать давно пора, завтра на работу.

– А, что студентки по ночам не спят? – сказал я, узнав Наташу Глазуну и, отцепив кота, передал хозяйке в пользование.

– Васячка! Маленький ты мой! Наконец-то ты освободил-

ся! – обнимала своего любимца Глазунова. – Пойдём домой, мой дорогой! Драгоценность ты моя!

– Такую драгоценность на цепи держать надо, а то потеряется.

– Фу! Ты как был грубияном неотёсанным, так им и остался!

– Это я то грубиян? Ну, знаешь.

– Знаю-знаю, я всё знаю! Да, Вася? Прелесть ты моя! – и она поцеловала кота куда-то в область живота.

– Меня бы лучше так поцеловала, – завистливо вырвалось у меня. – Я всё-таки кота твоего спас.

– Мало того, что ты Антонов грубиян, ты ещё и хам! – окончательно отбрила меня Наталья.

– Может и хам, но влюблённый хам! – основательно обнаглел я, покрываясь краской, хорошо ещё, что ночь и лица моего не разглядеть.

– Ой, ли? – смягчаясь, сказала Глазунова и задумчиво посмотрела на меня. – Что-то в школе ты на меня не очень-то заглядывался.

– Так дурак был!

– А щас, что поумнел?

– Нет. Просто ты изменилась.

– Что поумнела?

– Поумнела и похорошела! – говорил я и чувствовал, красноту своего лица и ватность ног.

– Ну, прямо как в сказке, про царевну-лягушку. Слушай,

а может, ты фамилию на Андерсена поменял.

– Я серьёзно, когда тебя сегодня увидел, просто обалдел.

Вот это, думаю девушка, настоящая богиня.

– Ты, что пытаешься обворожить меня?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.